

Иар Эльтеррус

Наследник

Иар Эльтеррус

Наследник

«Автор»

2014

Эльтеррус И.

Наследник / И. Эльтеррус — «Автор», 2014

Война между двумя разумными расами, людьми и крэнхи, давно стала привычной – она идет больше ста лет и никак не заканчивается. Многие считают, что так и должно быть – слишком много у сторон разногласий. Но для кого неожиданная, а для кого и давно ожидаемая находка меняет все. Ведь между живущей по законам чести Российской Империи и готовыми на любую подлость ради выгоды США куда больше разногласий, чем между Империей и крэнхи – расой воинов, для которых честь тоже не пустой звук. Наследник престола крэнхи и обычный курсант имперской военно-политической Академии уходят в дальний поиск. Вместе. Рука об руку. Им многое предстоит пройти и многое понять. И даже стать кровными братьями, ведь наш курсант отнюдь не прост...

© Эльтеррус И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Иар Эльтеррус Наследник

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

У огромного панорамного окна стоял уставленный аппаратурой и заваленный папками рабочий стол, возле которого сидел в инвалидном кресле высокий седой человек с острым профилем и пронзительным взглядом золотистых глаз. Видно было, что у него нет левой руки, а лицо испещрено шрамами. Он внимательно читал что-то на большом, развернутом прямо в воздухе голографическом экране. Иногда кривился, но ничего не говорил, продолжая быстро просматривать текст.

Дочитав, хозяин кабинета с хорошо заметной досадой пожевал губами, затем нажал какую-то кнопку на пульте перед собой и бросил в микрофон:

- Томилин пришел?
- Ждет в приемной.
- Зовите.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и в кабинет вошел среднего роста подтянутый, но уже в возрасте мужчина с незапоминающимся лицом. Тысячи похожих на него людей ходили по улицам городов Империи. Вот только взгляд его выдавал, что этот человек далеко не прост.

- Здравствуйте, Николай Петрович! – улыбнулся вошедшему хозяин кабинета.
- И вам доброго дня, Александр Викторович. Зачем вызывали?
- Садитесь, сударь, в ногах правды нет. Есть что обсудить.

Гость пододвинул себе кресло и сел. Возникший словно ниоткуда секретарь тут же поставил перед ним крохотную чашечку ароматного и очень крепкого кофе, после чего исчез. Александр Викторович с тоской посмотрел на нее и вздохнул – ему кофе нельзя было ни при каких обстоятельствах. Он пробежался пальцами по пульту своего инвалидного кресла, и оно отъехало от стола. Стороннему наблюдателю в этот момент стало бы ясно, что у хозяина кабинета нет не только левой руки, но и обеих ног.

– У меня к тебе два вопроса, – нарушил молчание Александр Викторович. – По-первых, каковы наши варианты?

– Вы их знаете, все пять, – удивленно посмотрел на него Николай Петрович. – С чего вдруг такая срочность?

– Врачи сегодня выдали свой приговор, – криво усмехнулся хозяин кабинета. – Мне остался максимум год, да и то при очень большом везении.

– И ничего нельзя поделать?.. – мертвенно побледнел гость. – Ни один из мальчишек еще не готов...

- Потому и спрашиваю, каковы наиболее приемлимые варианты.
- Ясно... Что ж, в таком случае их всего два. Остальные трое совсем зеленые.
- Седьмой и двенадцатый? – предположил Александр Викторович.
- Они самые, – кивнул Николай Петрович. – Но я больше склоняюсь к седьмому.
- Почему? – удивился хозяин кабинета. – Насколько мне известно, двенадцатый лучше умеет просчитывать ситуацию. Да и порешительнее он.

– Дело в том, что у него в характере есть кое-какие настораживающие черты, – вздохнул гость. – У меня иногда возникает ощущение, что мальчишка вообще не тот, кем кажется. Кое-какие его высказывания наводят на такую мысль. Затем он словно спохватывается и снова становится идеальным курсантом, говорящим только то, чего от него ждут.

– Что за высказывания?

– Осторожные намеки на то, что в самоуправлении нет ничего плохого. Ничего крамольного, но некоторые выражения словно из американской прессы скопированы. И мне это не нравится.

– Мне тоже, – нахмурился Александр Викторович. – Боюсь, придется использовать для проверки крайний вариант. Нужно спровоцировать мальчишек показать свое истинное лицо, иначе...

Он покачал головой.

– Хорошо, – наклонил голову Николай Петрович. – Хоть и не слишком хочется такое делать, подло это, но вы правы. Очень жаль, что третий и восьмая погибли, любой из них был бы идеальным вариантом.

– Мне тоже жаль, – тяжело вздохнул хозяин кабинета. – Но есть только то, что есть, переживать о несбывшемся смысла нет. Выбор придется делать из этих двоих, хотим мы того или нет. Поэтому давай-ка пройдемся по основным вехам их биографий еще раз.

– Как прикажете, – наклонил голову гость. – Итак, седьмой. Он детдомовский, потерял родителей в трехлетнем возрасте при катастрофе рейсового флаера. Мальчик выжил чудом. Сами родители ничего особенного из себя не представляли, оба инженеры с Челябинского завода гипердвигателей, там и познакомилась. В детдоме психологи обратили внимание на абсолютную память ребенка и его совершенно не детские рассуждения. С каждым годом результаты его тестов все более приближались к нашим стандартам, а в двенадцатилетнем возрасте превзошли их. Фамилия седьмого после этого попала в особый список, с этого момента его жизнь жестко контролировалась и направлялась. После окончания школы он получил приглашение из нашей Академии и принял его. К счастью, сам, не пришлось принуждать мальчика. На данный момент перешел на девятый курс. Учится на отлично, в любых ситуациях находит нестандартные решения, его тесты не перестают удивлять психологов. В краткий список вошел после практики на шестом курсе, когда командовал фрегатом «Д765». Именно благодаря его нестандартной тактике было выиграно сражение у Дагобая-III. Взял на себя командование, как единственный выживший офицер, и добился невозможного. Все аналитики разводят руками и говорят, что не знают, как он смог додуматься до подобного.

– Что с друзьями и личными отношениями?

– Есть двое. Их троицу называют двинутой, отличаются одновременно бесшабашностью и четкой продуманностью каждого действия, как ни парадоксально. Стоят друг за друга горой. Если выбор остановится на седьмом, то один из его друзей явно займет со временем мое место – он потянет, поэтому на всякий случай готовлю парня по особой программе. Девушки у седьмого пока нет, хотя многие на балах посматривают на него и пытаются флиртовать. Он ухаживает, очень галантен, но никого пока так и не выбрал. Возникло даже подозрение о его нетрадиционной сексуальности, но, к счастью, не подтвердилось. С полной уверенностью могу утверждать, что седьмой – романтик, он ищет ту самую, единственную и неповторимую, поэтому, пока не нашел, и не заводит ни с кем серьезных отношений.

– Его увлечения? – поинтересовался Александр Викторович.

– Чтение и музыка, хорошо играет на гитаре и пользуется успехом у сокурсников, его часто просят спеть, – ответил Николай Петрович. – Правда подборка песен довольно странная – седьмой выискивает необычные песни древних бардов-неформалов конца двадцатого, начала двадцать первого веков, и исполняет их. Все до единой зовущие к небу, о пути человеческой души, о ее крылатости. Ни одной о любви или чем-то приземленном. Также создал металл-группу «Темное пламя» в Санкт-Петербурге, вспомнив ныне забытый стиль пауэр-металл. Солист и гитарист. Опять же большей частью исполняет песни групп двадцать первого века, но некоторые свои тоже. В общем, парня не определили в «безумцы» только потому, что он подошел нам.

– Мечтатель?

– Одновременно мечтатель и жесткий прагматик. Не знаю, как это совмещается в одном человеке, но совмещается.

– Что ж, – вздохнул хозяин кабинета, – вариант неплохой, как будто. Теперь о двенадцатом.

– Тут все несколько проще, – гость одним глотком допил кофе. – И в то же время сложнее. Сын графа, адмирала, героя и прочее, прочее, прочее. Воспитывался в богатом доме. Отец решил во что бы то ни стало сохранить за своим родом достигнутое им, и у мальчика просто не было детства. Его начали жестко дрессировать с двухлетнего возраста по всем возможным дисциплинам. Как ни удивительно, результат оказался достойным. Одно то, что на его тесты мы обратили внимание, когда малышу было всего восемь, уже говорит о многом. Но есть несколько вопросов. Двенадцатый, в отличие от седьмого, крайне нелюдим и скрытен, друзей не имеет, только приятелей. С девушками встречается либо на светских раутах, либо изредка посещает дорогие публичные дома, однако в извращениях замечен не был – все профессионалки, с которыми он когда-либо имел дело, были допрошены с суперпентоталом¹.

– Увлечения?

– Тактика и стратегия сложных военных операций и искусство интриги. Его анализ некоторых старых дел ведомства Таймырова вызвал там ажиотаж, даже стали искать возможную утечку информации, но вскоре поняли, что мальчишка дошел до сути событий самостоятельно, чисто на логике.

– Ценное качество, – заметил Александр Викторович.

– Ценное-то оно, ценное, но молодой человек слишком циничен для своего возраста, и меня это настораживает, – вздохнул Николай Петрович. – Сами знаете, кто обычно вырастает из юных циников.

– Мда... – хозяин кабинета пожевал губами. – Пожалуй, к парню действительно нужно еще присмотреться. В определенных пределах цинизм полезен, но он не должен становиться основой личности. Что ж, даю добро на проверку по высшему уровню. Прошу только учитывать, что других вариантов у нас, похоже, просто нет.

– Я учту это, – пообещал гость.

– Это был первый вопрос. Теперь второй. Знаете уже?

– Естественно, работа у меня такая – знать. Только вот сами вы знаете, что прибывший крэнхи на самом деле чрезвычайный и полномочный посол всех шести старших кланов, а не одного?

– Шести?.. – изумился Александр Викторович. – Сразу? Это что же должно было случиться, чтобы шесть кланов смогли договориться и прислали одного посла?!

– Согласно предварительной информации, его миссия касается известных событий на Н237, где был обнаружен комплекс строений Лонхайд, – сообщил Николай Петрович. – Вы беседовали перед отправлением экспедиции с командиром группы, лейтенантом Карпиным.

– Беседовал, – вспомнил хозяин кабинета. – Но запомнил чем там дело кончилось. Помню только, что мы с «котами» договорились отправить туда по шестнадцать разумных, точнее двенадцать воинов и четырех ученых.

– Информация поступила ночью с курьерским кораблем, я просто не успел доложить, – поморщился гость. – Там произошло нечто странное. С орбиты были зафиксированы боевые действия между группами, затем сканеры стали бесполезны, комплекс накрыло силовое поле неизвестной природы. По прошествии нескольких часов все еще окруженный полем комплекс поднялся в воздух, вышел в космос и исчез вместе с нашими людьми и крэнхи. Не ушел в гипер, а расплылся двумерной тенью – это, похоже, совершенно иной принцип движения в пространстве. В общем, вывод пока один, это был не комплекс, а некое подобие космического корабля. Какая группа сумела запустить его двигатели – неизвестно. Очень надеюсь, что это

¹ Суперпентотал – сыворотка правды.

не крэнхи, а наши. Перед исчезновением древний корабль передал на всех открытых волнах странную фразу.

– Какую? – подался вперед Александр Викторович, его глаза горели живым интересом.

– Пора взрослеть, – процитировал Николай Степанович с недовольным видом. – Не спрашивайте меня, что это значит, я не знаю. Судя по имеющимся данным, крэнхи тоже ничего не понимают. Их корабли рыщут по всему квадранту, что-то лихорадочно разыскивая.

– Интересно... – протянул хозяин кабинета. – Сообщите послу, что я приму его завтра в шесть вечера. А теперь можете быть свободны. Надеюсь к послезавтра получить обещанные отчеты.

– Они будут на вашем столе в срок, Ваше величество! – встал и поклонился гость.

Затем он покинул кабинет. Александр VI, император всероссийский, проводил одного из лучших своих людей задумчивым взглядом и почти незаметно вздохнул. Несмотря на поздний вечер, у него было еще очень много работы. На отдых его величество давно не надеялся. На том свете отдохнет.

Глава 1

С тихим лязгом раздвинулась стальная переборка, отделяющая ангар от остальных отсеков корабля. Сержант Джексон тут же рывкнул на десантников, и они не спеша потянулись к открытому люку посадочного челнока. А сам недовольно покосился на командира их сводного отряда, лейтенанта Карпина, – опять русский, будь он неладен! Ну почему ему всегда так «везет»?! Американского или европейского офицера для этой миссии найти не смогли, что ли? Да пусть даже и халифатского, только бы не русского или израильского – первые славились своей требовательностью и бескомпромиссностью, а вторые – безалаберностью и, как ни странно, профессионализмом. Джексон не понимал, как это могло совмещаться в одном флаконе, но совмещалось. Поэтому сержант предпочитал, если была такая возможность, с израильтянами дела не иметь. А русских просто не любил.

Хотя после кровавых двадцатого и двадцать первого веков прошло больше двухсот лет, русские с американцами и до сих пор относились друг к другу с немалой настороженностью, не могли забыть и простить прошлого. Потому, хоть о войнах на Земле давным давно позабыли, и Российская Империя, и Соединенные Штаты Америки внимательно наблюдали за действиями вероятного противника, ожидая от него чего угодно и всегда будучи готовы дать отпор. Кто знает, что произошло бы, не схватились бы они уже в космосе, если бы около двух столетий назад человечество не столкнулось с внешней угрозой. Пришлось, скрипя зубами, создавать Объединенный военно-космический флот – одна страна не могла справиться с такой задачей, слишком велики оказались затраты. А другого выхода не было – иначе «коты», как называли в просторечии разумную расу крэнхи, представители которой действительно напоминали вставших на задние лапы огромных кошек, добрались бы и до Земли.

В приписанные к ОКФ подразделения космодесанта направляли лучших солдат и офицеров со всего мира. Они были родом и из России, и из США, и из Евросоюза, и из Израиля, и из Великого Халифата, и из Южно-Американской Федерации, и из Индонезии, и из Австралии. Да и из остальных стран тоже, хотя значительно реже – очень уж дорого обходилось обучение и содержание космодесантников. Не все могли себе такое позволить, особенно нищие страны Африки и не вошедшие в Федерацию страны Южной Америки.

Сержант недовольно покосился на идущих за бойцами археологов. На удивление тихо себя ведут, не спорят с военными, что крайне удивительно. Сталкивался он уже с учеными, приходилось охранять на новооткрытых планетах яйцеголовую братию. Никакого понятия о дисциплине! Орали, лезли туда, куда лезть не следует, не слушали охрану, которая отвечала за их жизни. Эти отличаются в лучшую сторону. Да и выглядят на удивление подтянутыми, словно сами в армии служили. Впрочем, черт их знает, может и служили.

– Сержант, ко мне! – донесся до Джексона голос лейтенанта.

– Есть, сэр! – американец без промедления подбежал к Карпину. Любит он там или не любит этого русского – дело десятое, а приказ исполнять надо. Командир есть командир, и этим все сказано!

– Позаботьтесь, чтобы после посадки двое бойцов не отходили от ученых, – недовольным тоном приказал лейтенант. – Остальным тоже быть настороже, двенадцать человек – слишком мало для такой миссии.

– Будет сделано, сэр! Разрешите вопрос?

– Задавайте.

– А почему нас всего дюжина?

– Понятия не имею! – развел руками Карпин. – В штабе сказали, что планета голубого ряда, абсолютно безопасная, даже крупных хищников нет, поэтому больше людей не нужно. Только как-то не верится мне в безопасные чужие планеты...

– Мне тоже, сэр, – вздохнул Джексон и отошел, поминая про себя в соответствующих выражениях «умников» из штаба. Крысы тыловые!

Официальным языком объединенного Военно-Космического Флота и Космодесанта Земли являлась интерлингва, искусственный язык, созданный на основе русского, английского, китайского, арабского и испанского. Знание его было обязательным для любого желающего служить в пространстве. Джексон в свое время чуть голову не сломал, однако, проклиная все на свете, выучил интерлингву на нужном уровне. Ну почему нельзя было использовать простой и понятный английский? Впрочем, ясно: к сожалению, не только американцы и англичане служат в Объединенных Силах. Для иностранцев английский такая же китайская грамота, как для самого Джексона их языки.

Проводив взглядом американца, лейтенант вернулся к своим мыслям. Он никак не мог понять одного. Раз миссия настолько важна, что перед отправкой его удостоил аудиенции сам император, то почему тогда ему выделили всего десять бойцов и сержанта? И почему среди них кого только нет? Слава Господу, соотечественников четверо – больше, чем кого-либо другого. Затем двое, не считая Джексона, американцев. Двое европейцев – немец и француз. Плюс халифатец и израильтянин. Причем, отряду даже не дали времени на подготовку! Люди незнакомы друг с другом, не сработались, а им в случае чего придется драться вместе. Каким образом, если они не знают, чего ждать от товарищей по оружию?!

Мысленно махнув рукой от досады, Карпин перевел взгляд на ученых. Странно, но у них с собой вообще нет с собой оружия... Никакого! Почему? Необычно это, крайне необычно и наводит на нехорошие мысли. Во всех прежних экспедициях не только космодесантники, но и научный персонал имел, по крайней мере, ручные плазмеры или пистолеты. Да и число ученых вызывало настороженность – всего четверо. И только археологи. Нет ни планетологов, ни физиков, ни биологов, ни кого другого.

На память пришла беседа с его величеством. Лейтенант никак не рассчитывал, что будет удостоен такой чести, еще ничего особенного не совершив. Однако случилось. Причина, на первый взгляд, ясна, но только на первый. Если немного поразмыслить, то все становится совсем уж непонятным. Да, обнаружен целый комплекс строений, принадлежавший загадочным Лонхайт. Так по какой же причине для изучения этого комплекса не отправлен исследовательский корабль? Ведь они в составе Флота есть, это Карпин знал точно: его ближайший друг служил на «Альберте Эйнштейне», который и являлся одним из таких судов. Но вместо него отправили обычный эсминец, четверых ученых, десятерых десантников, сержанта и лейтенанта. Чушь полная! Что смогут обнаружить археологи, практически не имеющие оборудования? Да ничего, черт возьми!

Усилим воли заставив себя отвлечься от тревожных мыслей, Карпин попытался припомнить все, что ему известно о Лонхайт. Первые артефакты этой то ли погибшей, то ли неизвестно куда ушедшей разумной расы обнаружили около ста пятидесяти лет назад, во время исследования пригодных к жизни планет созвездия Лебедя. Находки ошеломили ученых – казалось, древние специально оставили то, что могло пригодиться недавно вышедшей в большой космос цивилизации. Вплоть до подробных технологических схем более совершенных, чем земные, гипердвигателей. Не говоря уже обо всем прочем. Артефакты древних настолько продвинули вперед земную науку, что их начали искать уже целенаправленно. И иногда находили.

Множество кораблей разных стран занимались свободным поиском. Особенно много их отправляла Российская Империя, что позволяло русским не сообщать о своих находках союзникам. Однако на сей раз комплекс строений Лонхайт обнаружила международная планетологическая экспедиция. Что странно – в системе, которую не раз до того исследовали вдоль и поперек. Возможно, раньше этот комплекс не нашли потому, что он находился посреди джунглей, буйная растительность скрывала его полностью. О принадлежности комплекса древним говорил хорошо знакомый людям символ на стенах – выпуклый треугольник на фоне спирали.

Широкой общественности о Лонхайт было известно очень немного – земные правительства засекретили данные о них, поняв чрезвычайную важность древних артефактов для развития цивилизации. Несколько статей в энциклопедиях, да домыслы журналистов из желтой прессы. Только подписавшим контракт с Объединенными Силами ученым позволялось работать с находками. С них брали бессрочную подписку о неразглашении.

– Лейтенант, – донесся до Карпина голос доктора Хеменса, старшего археолога. – Оборудование загружено, мы готовы к старту.

– Тогда прошу на борт челнока, доктор, – отозвался он.

Ученый, ничего больше не сказав, скрылся в люке. Поняв, что остался в ангаре последним, лейтенант последовал за ним. Пробравшись в десантный отсек, он сел в одно из боковых кресел, окинув взглядом своих бойцов. Джексон молодец, порядок навел сразу и без лишних разговоров – судя по синякам на лицах, израильтянин с халифатцем снова сцепились, пришлось разбираться с ними жестко. Вон, с какой злобой поглядывают то друг на друга, то на сержанта. Интересно, кому понадобилось сводить в одном отряде представителей этих двух народов? Придется внимательно наблюдать за ними, чтобы не допустить новых драк.

– Внимание! – донесся из динамика над люком голос пилота. – До старта осталось десять секунд! Всем занять противоперегрузочные кресла! Начинаю отсчет. Десять, девять, восемь...

Когда челнок затрясся, и лейтенанта прижало к спинке кресла, он резко выдохнул. Началось! Теперь все в Божьих руках...

Походный лагерь разбили в полукилометре от «храмового комплекса», как обозвал это скопище пирамид разного размера один из археологов. Лейтенант предпочел бы обосноваться подальше, но ученые воспротивились, вот и пришлось располагаться здесь. И это ему крайне не нравилось. Челнок стартовал сразу после высадки экспедиции и выгрузки оборудования. Приказ Адмиралтейства. Почему был отдан такой приказ? Опять странности в этой проклятой экспедиции! Как это все надоело...

Местность оставляла желать лучшего – Карпин никогда не любил тропические джунгли. Но деваться некуда: комплекс со всех сторон окружен растительностью. Хорошо хоть еще похожей на земную, зеленой, а не как, например, на Кантоне II, ядовито-оранжевой. В придачу, ни холма, ни оврага вокруг.

Оглянувшись на возящихся с настройкой анализаторов археологов, Карпин поморщился – глаза яйцеголовых горели неподдельным энтузиазмом. Это значило, что смотреть за ними придется в оба и еще внимательнее. Явно полезут в самое пекло, лишь бы удовлетворить свое неуемное любопытство. А кто за их безопасность отвечает? Он, лейтенант Карпин! Именно ему в случае чего наступчат по голове.

Офицер обвел взглядом своих людей. Больше всего стоит доверять соотечественникам, рядовым первого класса Николаю Багрянцеву, Михаилу Стормину, Георгию Шохинцеву и Леониду Добрыненко. Ребята бывалые, не раз с «котами» в локальных стычках схлестывались. И выжили, что о многом говорит. Впрочем, американцы, Джейк Хармен и Роджер Лартини, не менее опытные – командование отбирало для этой миссии лучших из лучших. Послужной список остальных четырех тоже впечатлял. Халифатец Мустафа Джафир, израильтянин Моше Коэн, немец Курт Линсберг и француз Роже Парон не вчера взяли за оружие, у каждого была на счету не одна боевая операция. Если судить по личным делам, под его командованием собрались отличные бойцы. Дай Бог, чтобы им не пришлось демонстрировать свои бойцовские качества...

Прозвучавший с неба грохот заставил лейтенанта вздрогнуть и поднять голову к небу. Из побагровевших низких облаков вывалился похожий на распластанную юлу летательный аппарат и со свистом пошел на посадку с другой стороны «храмового комплекса».

– «Коты», мать их! – выдохнул Шохинцев, стоящий за спиной Карпина.

Лейтенант ничего не ответил, он и сам узнал посадочный глайдер крэнхи – не раз видел такие в прошлом. И это всегда сулило неприятности. Воевать «коты» умели отлично, сказывалось клановое устройство общества и постоянные междоусобные войны, и порой утирали землянам нос. Случалось, конечно, и наоборот. За почти два столетия конфликта две воинственные разумные расы научились уважать друг друга. Недооценивать сильного противника глупо, это земляне и крэнхи усвоили на отлично.

– Весело... – протянул Карпин. – Сержант, вызовите эсминец!

– Есть, сэр! – отозвался тот и достал из подсумка коммуникатор.

Через несколько минут Джексон поднял на командира растерянный взгляд и с трудом выдавил:

– Не отвечает, сэр...

– Приехали... – констатировал лейтенант. – Сколько бойцов несет кошачий глайдер?

– Не больше шестнадцати, – ответил Курт Линсберг. – Как и наш челнок.

– Если «коты» грохнули наш эсминец, то кто им помешает высадить столько войск, сколько пожелают? – ехидно поинтересовался Мустафа Джафир.

– Никто... – вздохнул немец.

– Вот-вот, – проворчал араб, недобро покосившись на израильянина. – Так что мы влипли.

– Разговорчики, сучий потрох! – взревел Джексон.

– Отставить, сержант, – оборвал его Карпин. – Рядовой Хармен, насколько мне известно, вы до космодесанта служили в рейнджерах?

– Так точно! – вытянулся тот.

– По джунглям ходить умеете?

– Да, сэр.

– Тогда осторожно разведайте, где сели «коты» и чем они заняты, – приказал лейтенант. – Постарайтесь не показываться им на глаза и не лезть на рожон. Мне нужна информация, а не ваш труп!

– Есть, сэр! – откозырял американец и бросился к своему вещмешку.

Не прошло и нескольких минут, как Хармен, раскрасив лицо зелеными полосами, скрылся в зарослях. Карпин изучил в бинокль близлежащую местность и вскоре понял, что, кроме самого комплекса, обороняться негде. Очень не хотелось соваться туда, но иного выхода он не видел. С «котами» шутки плохи. Да и приказ, несмотря ни на что, исполнить нужно, тем более, приказ самого императора. А он требовал любой ценой обследовать пирамиды древних и попытаться найти там хоть что-нибудь ценное.

Значит, выбора нет, придется жертвовать людьми... А кем пожертвовать? Лейтенант с удовольствием бы отправил на отвлечение внимания одних американцев, но это означало конфликт здесь и сейчас. Да и не умели они никогда стоять до последнего – на это способны только русские и немцы. Впрочем, еще, кажется, израильяне – в свое время в Израиле осело множество русских евреев, имеющих русский менталитет. Они со временем изменили израильян против их желания, заставили понять многое, чего те раньше не понимали. О чем речь, даже вторым государственным языком Израиля в начале двадцать второго столетия стал русский вместо английского.

Немного подумав, Карпин определил состав группы отвлечения. Возглавит ее, понятно, сержант Джексон, с ним пойдут двое русских, Стормин и Добрыненко, с соответствующим приказом. Они не позволят американцу отступить, если станет слишком «жарко». И израильянин впридачу – надо разделить их с арабом, а то еще друг другу в глотки вцепятся вместо того, чтобы общего врага бить.

– Доктор Хеменс, – повернулся он к старшему археологу. – Мне нужно обсудить с вами кое-что.

– Полковник, – поправил его тот. – Мы здесь все военные, лейтенант. В такие экспедиции гражданских специалистов не отправляют.

Карпин обрадовался. Теперь ясно, почему археологи не устраивали балагана, обычного для яйцеголовых. И слава Всевышнему, не придется следить за каждым их шагом, что в условиях боя может стать немалой обузой.

– Однако общее командование на вас, я вмешиваться не стану, – продолжил Хеменс. – У меня свой приказ.

– Обследовать комплекс?

– В том числе.

– Прошу учесть, делать это придется очень быстро, часть моих бойцов отвлечет «котов», остальная группа займет комплекс, а вы его осмотрите, насколько это возможно.

– Хорошо. Прошу дать нам хотя бы несколько часов.

– Не могу обещать, господин полковник! – помрачнел лейтенант. – «Коты» – противник серьезный.

– Знаю, – как-то странно усмехнулся Хеменс, потерев пальцами шрам на щеке. – Поэтому не приказываю, а прошу.

– Также... – начал Карпин, но не договорил.

Из-за комплекса донесся грохот, и над джунглями снова показался глайдер крэнхи. Он быстро набрал высоту и скрылся в облаках. Лейтенант помрачнел. Похоже, отправился на орбиту за подмогой... Интересно, знают «коты» об их отряде или нет? Если знают, дело совсем худо. А они вполне могли заметить возвращающийся на эсминец челнок и сделать из этого свои выводы.

По прошествии получаса зашелестели кусты, и на поляне возник Хармен в сопровождении Багрянцева, которого лейтенант отправил в боевое охранение.

– Разрешите доложить, сэр! – двинулся к Карпину американец.

– Докладывайте.

– «Котов», как и нас, шестнадцать. Дюжина бойцов и четверо безоружных. Занимаются обустройством лагеря, в сторону комплекса даже не смотрят.

Лейтенант задумался. Довольно странная картина – крэнхи обычно атаковали без промедления и дрались отчаянно. Выходит, они не подозревают о земной группе? Как такое может быть? Не заметили возвращающийся челнок? А куда он тогда делся? Вернуться на борт эсминца челнок, судя по времени, прошедшему между его стартом и прибытием «котов», явно не успел. Спрятался на одной из трех местных лун и сейчас лихорадочно вызывает помощь с ближайшей земной базы? Так враг его сразу запеленгует. Скорее всего, пилоты, поняв, что эсминец уничтожен, сидят в какой-то расщелине тихо, как мыши. Его группа оставлена на произвол судьбы, помощи ждать неоткуда. А вот «котам» помощь придет очень быстро, достаточно вызвать базовый корабль.

Значит, что? Только одно – не дать высадившейся на планете группе связаться со своими. Насколько он знал, коммуникационное оборудование археологов вполне способно заглушить связь. А на земной базе в соседней звездной системе тем временем поймут, что эсминец не отвечает, и отправят кого-нибудь выяснить, что произошло. Больше ни на что надеяться лейтенант не мог. И надеялся – всем известно, что в земном космфлоте своих на произвол судьбы не бросают, всегда выручают по мере возможности.

Приняв окончательное решение, Карпин обернулся к своим людям и по очереди окинул каждого взглядом. Тяжело это – посылать других на верную смерть... Но это его долг, как офицера.

– Собратся вокруг меня! – скомандовал лейтенант.

Подождав, пока десантники выполнят команду, он продолжил:

– У нас есть приказ: осмотреть комплекс первыми. Несмотря ни на что! И мы обязаны это сделать. Значит, внимание «котов» отвлечет отдельная группа из четырех бойцов. Ее возглавит сержант Джексон, с ним отправятся Стормин, Добрыненко и Коэн.

– Есть, сэр! – откликнулись названные.

Затем сержант хмуро сказал:

– Разрешите обратиться, сэр...

– Обращайтесь.

– У нас совсем нет тяжелого вооружения. Только легкие плазмеры и по пять запасных батарей у каждого. Даже мин – и тех нет! Комплектация снаряжения – по минимуму.

– Неужели ни у кого в запасе нет ничего интересного? – прищурился лейтенант, бросив вопросительный взгляд на соотечественников – те ухмылялись, всем своим видом говоря: ну чего еще ждать от американца?

– У меня десятка полтора «змеек» в заачке, – с невинным видом заявил Добрыненко.

Карпин изумленно вздернул брови – голь на выдумки хитра. «Змейками» в космодесанте называли гранаты объемного взрыва с фронтальным сектором поражения, весьма действенное оружие. Сектор поражения определялся по сигналу «свой-чужой». Они были на особом учете у командования, каждая выдавалась под расписку – считались слишком дорогими. Каким же образом Добрыненко утаил целых полтора десятка? Он покосился на Джексона и незаметно хмыкнул – вид американца стоил особого описания: челюсть отвисла, глаза округлились, лицо вытянулось. Видимо, он мало сталкивался с русскими...

– А у меня – четыре «паучка», – безразлично добавил Стормин, насмешливо покосившись на сержанта, от этого заявления вообще превратившегося в соляной столб.

Еще веселее! Мины, реагирующие на тепловое излучение определенного вида крупных животных или разумных существ. Обычно их настраивали на «котов» – человек мог пройти по минному полю совершенно безопасно, мины реагировали только на крэнхи. От них не спасали даже доспехи полной защиты! «Паучки» создавали на месте взрыва облако плазмы такой температуры, что любой материальный объект мгновенно превращался в пар. И были они на очень строгом учете – в случае утери хоть одной создавалась специальная комиссия.

– Еще есть два супер-узи с шестью магазинами класса «шершень» и десятью мини-гранатами на каждый, – с невозмутимым видом сообщил Коэн.

Карпин вздернул брови – удивил его израильтянин. Хотя, ничего странного, если разобраться: в Израиле и до сих пор использовали пулевое оружие, а не плазмеры – считали их ненадежными. И лучших автоматов, чем израильские, на данный момент в мире не существовало, в отличие от прежних времен – тогда лучшим являлся русский автомат Калашникова, как сейчас русский же плазмер Иванова. В общем, неплохо – отражающие доспехи котов рассчитаны на плазму, против пуль, тем более разрывных пуль класса «шершень», они бессильны. Мини-гранаты тоже сыграют свою роль.

– У меня, помимо плазмера, только десяток метательных ножей, – пробурчал пришедший в себя Джексон.

– Бросать умеете?

Сержант вместо ответа сунул руку в подсуток, достал оттуда три ножа и слитным движением швырнул их в ствол стоящего метрах в пятнадцати дерева. Они вонзились на расстоянии не более полупальца друг от друга. Добрыненко присвистнул и впервые посмотрел на Джексона с некоторым уважением. Лейтенант вздохнул – бросает, конечно, хорошо, но поди подберись к «коту» на расстояние броска. Раньше учует! Нюх у них, сволочей, не хуже, чем у земных собак.

Немного помолчав, Карпин подошел к бойцам и негромко сказал по-русски:

– Не подведите, ребятаки...

– Сделаем, товарищ лейтенант, – прогудел Добрыненко. – Деды наши за Русь стояли, и мы постоим.

– Точно! – на губах Стормина появилась злая ухмылка. – Порадуем «котиков». Уж повеселятся, болезные...

– Не подведем, господин лейтенант, – тоже по-русски добавил Коэн.

Интересно, в его личном деле ничего не говорилось о знании русского языка...

– Мой предок родом из России, – понял недоумение Карпина израильтянин. – Уехал в Израиль в начале двадцать первого века, бывший русский офицер, воевал в Афганистане и Чечне. С тех пор в нашей семье знание русского языка и русской культуры стало обязательным. Да и что такое честь знаем не понаслышке.

– Ясно, – лейтенант снова окинул взглядом уходящих на смерть и едва сдержал вздох. – Мы начнем, когда услышим, что начали вы. Думаю, сможем ударить «котам» в тыл. Вперед!

Собрав все необходимое, группа отвлечения скрылась в джунглях. Карпин мысленно перекрестил их вслед и пожелал удачи. Дай Бог, чтобы она улыбнулась ребятам...

– Полковник, – подошел он к Хеменсу. – Будьте готовы, сразу после того, как группа сержанта начнет работать, мы занимаем комплекс. С вами я оставлю двух бойцов, а с остальными зайду котам в тыл.

– Хорошо, лейтенант, – ученый пристально посмотрел на Карпина. – И вот еще что...

– Что?

– Подмоги не будет. Ни нам, ни «котам». Придется обходиться своими силами. Это все, что я имею право вам сообщить.

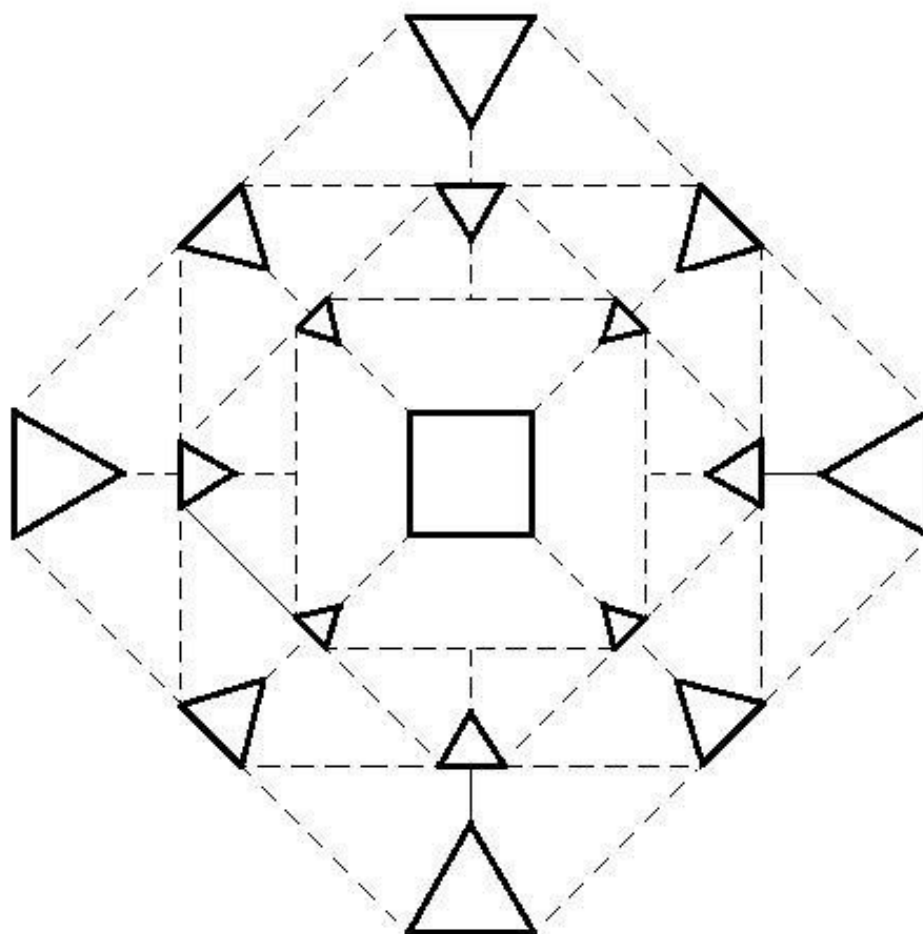
Так и думал, что с этой проклятой миссией что-то не так! Значит, подмоги не будет ни у той, ни у другой стороны? Что это может значить? А только то, что судьбу комплекса предстоит решать именно их группе. Видимо, командование договорилось с «котами» не устраивать большой драки – она никому не нужна даже ради артефактов древних. Но почему на такое дело послали неподготовленных людей, если могли отправить сработавшийся отряд? Или таково было условие крэнхи?

– Я повторяю, лейтенант, больше я пока не имею права ничего говорить, – ответил полковник на его требовательный взгляд.

Карпин отметил слово «пока». Что же, черт побери, здесь происходит? Миссия, получается, с двойным, если не с тройным дном. Офицеру это очень не нравилось, он никогда не любил хитрых игр разведки, но выбора не имел.

Что ж, раз к котам тоже не придет подмога, можно и побрыкаться.

Бойцы теньями скользили между пирамидами комплекса, используя для укрытия любой куст или дерево, которых здесь хватало. Издалека доносилось шипение плазмеров и глухие взрывы «змеек» – отряд сержанта Джексона свою задачу выполнил, отвлек внимание «котов». К сожалению, связи, чтобы выяснить как у него обстоят дела, не было – аппаратура археологов оказалась способна перекрыть только все диапазоны разом, избирательно она работать не могла. Не тот уровень оборудования.

Сразу после того, как раздались первые выстрелы, группа выдвинулась к комплексу. Он состоял из каменного куба и шестнадцати трехгранных пирамид разных размеров. Однако ни одна из них не имела входа, что стало ясно сразу после беглого осмотра. Необходимо было вскрывать стены, но чем? Археологи под охраной десантников бросались от пирамиды к пирамиде, лихорадочно изучали их, но ничего не находили. Сплошная бело-зеленая поверхность, на которой никак не отразились прошедшие тысячелетия. Только символы древних говорили, что все это было создано разумными существами.

Выведя на планшет карту расположения зданий комплекса, лейтенант покачал головой. Что-то такое расположение значит, вот только что? В центре находилось кубическое здание из того же бело-зеленого камня, пятьдесят на пятьдесят на пятьдесят метров, по его углам были четыре пирамиды, отстоящие на семьдесят метров, создавая большой квадрат. По сторонам этого большого квадрата стояли четыре пирамиды побольше, образующие еще один квадрат, по углам которого тоже находились четыре пирамиды. А завершали картину еще четыре, самые большие. Опять же стоящие на некотором отдалении от сторон последнего квадрата. Каждая пирамида была связана подвесными мостиками из непонятного белого материала или с тремя другими (последний ряд), или с пятью (средние ряды), или с шестью (первый ряд). На уровне мостиков каждую пирамиду окружал парапет в полметра шириной. Впрочем, называть мостиками эти ровные белые, кажется, пластиковые полосы без поручней было не совсем верно, но как их еще назвать Карпин просто не знал.

Возникло ощущение, что это не комплекс зданий, а какая-то магическая фигура, голололомка, от разгадки которой зависит его жизнь. Лейтенант даже потряс головой, чтобы избавиться от наваждения, но это не помогло. Тогда он решительно направился к археологам, решив не думать о том, что понять все равно не в состоянии.

– Что-нибудь прояснилось, господин полковник?

– Ничего! – устало ответил тот. – Сплошные стены! Аппаратура не показывает наличия в этих чертовых пирамидах пустот. Но по логике вещей они должны быть! Особенно после...

Хеменс резко замолчал и настороженно уставился на Карпина.

– После чего?

– Не имею права говорить, – неохотно буркнул полковник, явно досадуя на себя за то, что проговорился.

– Ясно, – усмехнулся лейтенант. – Я оставляю вам двух бойцов для охраны, а сам ударю котам в тыл.

– Поступайте, как считаете нужным, – отмахнулся Хеменс. – Вполне возможно, что ваша победа в противостоянии будет иметь решающее значение в нашей миссии.

Карпин отковырял и отошел. С археологами он решил оставить одного из американцев, Роджера Лартини, и Мустафу Джафира – никогда не считал арабов способными воевать по настоящему, иначе не проигрывали бы все войны последних столетий. Поэтому и не доверял Джафиру, сожалея, что командование навязало ему халифатца – лучше бы еще одного немца или русского дали. Или хотя бы израильтянина. Толку было бы намного больше.

У остальных двух соотечественников тоже нашлось нестандартное вооружение – те же «змейки», дымовые шашки и не положенные рядовым по штатному расписанию запасные батареи повышенной емкости для плазмеров. Да и немец с французом оказались не промах, захватили с собой светошумовые гранаты. Жаль, что отряду не выделили ни одного снайпера, насколько бы облегчилась задача. Но придется исходить из того, что есть.

По прошествии пяти минут группа покинула комплекс и двинулась в сторону все еще продолжающегося боя – отряд сержанта пока держался. Опытные бойцы двигались волчьим скоком: сто шагов бегом, сто – шагом. Перед выходом Шохинцев взобрался на высокое дерево и определил точное направление. Предстояло сделать немалый крюк, чтобы обойти «котов», а это время, тогда как терять его было нельзя, если лейтенант хотел застать хоть кого-то из ушедших с Джексоном в живых.

Однако обойти врага не удалось – командир «котов» оказался не лыком шит, посадил на дереве дозор. Землян обнаружили на подходе и тут же обстреляли. Они сразу рассредоточились и вскоре сняли одинокого крэнхи с дерева. Но этот краткий бой стоил жизни Роже Парону...

Лейтенант немного постоял над погибшим, затем присел и провел ладонью над лицом француза, закрывая широко распахнутые глаза. Ему не впервой было терять товарищей по оружию, но Карпин так и не привык к этому. В голове колотилась одна-единственная мысль: «Не уберег...» У парня ведь остались в Лионе две маленькие дочки, которые уже никогда не дождутся папу...

– Вперед! – хрипло приказал лейтенант, взяв себя в руки.

Хоронить Парона времени не было, поэтому бойцы двинулись дальше, бросив по последнему взгляду на погибшего. Они быстро скрылись в зарослях и не видели, как сразу по их уходу почва под мертвым телом превратилась в жидкую грязь и с чмокающим звуком втянула в себя француза. То же самое случилось и с убитым крэнхи.

Отряд неслышно скользил по джунглям, люди бросали настороженные взгляды на деревья, помня, что недавно произошло. Однако, как ни странно, больше «котов» в кронах не оказалось. Звуки боя впереди настораживали лейтенанта, он не предполагал, что четверем десантникам удастся создать столько шума. Только когда до места событий осталось шагов

сто, Карпин окончательно осознал, что что-то здесь не так. Он поднял руку, скомандовав бойцам остановку. Шепотом переговорил с Шохинцевым, затем взобрался на ближайшее высокое дерево, чтобы осмотреться.

Увиденное настолько поразило лейтенанта, что он замер на ветке с приоткрытым ртом. «Коты» вели бой с кем-то неизвестным! Никак не с людьми! Странные существа выглядели непривычно для человеческого взгляда: круглые торсы, три ноги, конусообразная голова, четыре руки. Земляне таких еще никогда не встречали. На чужаках были сплошные доспехи, против которых огонь кошачьих плазмеров оказался бесполезен. Но помимо крэнхи четырехрукие атаквали еще и остатки отряда Джексона! Карпин мельком заметил за рошей невдалеке самого сержанта и, кажется, Добрыненко. Похоже, новым врагам совершенно все равно, кто перед ними – люди или «коты».

Спустившись с дерева, лейтенант быстро ввел бойцов в курс дела. Они ошарашенно уставились на командира, не в силах поверить в такое. Однако поверить пришлось: из кустов выскочили двое четырехруких и без промедления обстреляли землян из какого-то незнакомого оружия, выпускающего из коротких, широких дул небольшие кольца синего света. Эти кольца сжигали все на своем пути. Хорошо хоть летели они недалеко, всего метров на тридцать. Затем гасли. Не пострадал никто, люди успели попадать на траву и откатиться в стороны.

– Кто это, хрен им по лбу?! – растерянно спросил Багрянцев.

– Откуда мне знать? – пожал плечами Карпин. – Какая-то новая цивилизация.

– Нашли время, блин... – пробурчал десантник, поливая чужаков огнем плазмера.

– Наверное, тоже хотят заполучить артефакты Лонхайд, – предположил Линсберг. – А тут мы с «котами» под ногами мешаемся.

– Как бы новой большой войны не было... – поежился Хармен. – «Коты» – противник хотя бы известный, знаем, чего от них ожидать. А что эти могут? Вдруг у них есть корабли, способные планеты взрывать?..

– Тихо! – прервал паникерские разговоры лейтенант, едва сдержавшись, чтобы не выругаться – американец есть американец. И ничего тут не поделаешь, придется принимать его таким, каков есть.

Огонь плазмеров не причинял четырехруким никакого вреда, только заставлял отступать на шаг-другой. Убедившись в этом, лейтенант понял, что нужно отходить. Куда? А только к комплексу. Больше никаких укрытий поблизости нет. Однако как отходить? Огонь чужаков не давал поднять головы. Лейтенант повернулся к Шохинцеву, чтобы отдать приказ использовать «змейку», но тот и сам догадался. Граната сработала – четырехрукие упали и больше не поднялись.

Увидев, как травяной ковер превратился в жидкую грязь и с хлопаньем втянул в себя тела чужаков, Карпин не выдержал и облегчил душу русским матом. Это еще что такое?! Да что, черт его дери, происходит на этой поганой планетке?! Но времени на размышления не было, поэтому он вскочил и скомандовал отступление. Как ни странно, во время боя никто не пострадал. Неужто удача на их стороне? Дай-то Бог!

Стычка следовала за стычкой, справляться с четырехрукими помогали только гранаты, а их осталось очень мало. Чужаки действовали на удивление грамотно, как видно, воевали не впервые, и это ничего хорошего землянам не сулило. Враги возникали словно ниоткуда, могли появиться из-за дерева, которое люди только что миновали, и сразу же открывали огонь. Вот только чаще всего этот огонь никого не задевал. Однако заставлял двигаться в весьма определенном направлении.

Вскоре до лейтенанта дошло, что враги целенаправленно отжимают отряд к комплексу. А еще через некоторое время он понял, что туда же гонят и крэнхи.

– Что делать будем, командир? – хмуро спросил Багрянцев, тоже все понявший. – Мне как-то не очень хочется оказаться в одном пространстве с обозленными «котами»...

– А у нас выбор есть? – поднял на него глаза Карпин. – Гранаты закончились, плазмеры против четырехруких бессильны. Остается только отступить.

– Я не о том, командир...

– Да понятно! Но знаешь, есть старая поговорка. Враг моего врага...

– Во как! – вздернул брови Багрянцев и ненадолго задумался. – Лады, можно и так. Если только наши дорогие «котятки» пожелают.

– Поглядим, – не обратил внимания на его сомнения лейтенант. – Все равно оборону держать придется в комплексе. Так что, вперед!

Не всем удалось идти. Прикрывая отход, погиб Георгий Шохинцев... Кольцо синего света, выпущенное одним из четырехруких из своего странного оружия, поразило парня прямо в лицо. Карпин глухо выругался, глядя как тело десантника погружается в мгновенно ставший жидким грунт. Странности этой неудачной экспедиции постепенно складывались в сознании лейтенанта в цельную картину. Очень похоже, что четырехрукие – это охрана комплекса, некие роботы, оставленные древними, чтобы никто не посягнул на их наследие. Пожалуй, по приходу придется допросить доктора Хеменса с пристрастием, невзирая на субординацию – он явно что-то знает, но молчит, сволочь. А если бы сразу сказал, это помогло бы сбересть жизни ребят.

Как только оставшиеся в живых четверо бойцов пересекли внешний квадрат комплекса, четырехрукие отошли обратно в джунгли, прекратив атаку. Навстречу Карпину тут же вышел прятавшийся за ближайшей пирамидой Хеменс в сопровождении Мустафы Джафира.

– Что происходит, лейтенант? – поинтересовался археолог.

– Вам лучше знать! – отрезал Карпин, с гневом глядя на него. – Кто эти четырехрукие?!

– Четырехрукие? – с искренним недоумением переспросил полковник. – Вы кого имеете в виду?

Поняв, что он ничего не знает, лейтенант нехотя рассказал о столкновении с неизвестным противником и том, как поверхность планеты заглатывает погибших. С каждым его словом лицо Хеменса мрачнело все больше.

– Вот, значит, как... – едва слышно сказал он, когда Карпин замолчал.

– Господин полковник, не пора ли рассказать обо всем откровенно? – спросил лейтенант.

– Возможно, и пора... – понурился тот. – Мне приказано открыть вам правду только если не будет другого выхода.

– А его и нет... – невесело усмехнулся Карпин. – Никто из нас домой не вернется, это уже ясно. Гранат и мин не осталось, а плазмеры для четырехруких – что слону дробина. Мне кажется, они решили согнать сюда и нас, и «котов», а затем всех вместе уничтожить.

– Возможно, – пожал плечами полковник. – Хорошо, я расскажу.

Однако ничего он рассказать не успел. Из ближайших к комплексу зарослей выскользнули двое крэнхи в легких отражающих доспехах. Они не стали стрелять, наоборот, демонстративно опустили оружие. А затем один поднял в руке белую тряпку, что говорило о неплохом знании земных обычаев – у «котов» символ вызова на переговоры был совсем иным. Скрепленные над головой руки.

Лейтенант удовлетворенно кивнул. Похоже, командир крэнхи сделал те же выводы, что и он сам. Понял, что вчерашним врагам стоит временно объединиться, чтобы отбиться. Между собой можно разобраться и позже. Он встал и скрестил руки над головой, сообщая, что тоже знает чужие обычаи. «Кот» кивнул, снял шлем, отдал его напарнику и направился к комплексу. Карпин пошел ему навстречу. Похоже, это именно командир – крэнхи признавали только договоренность равных по рангу.

– Ртэ Тхарау, – представился «кот», когда лейтенант приблизился. – Тирхет² малого прайда.

² **Тирхет** – звание, подобное лейтенанту. Младший офицер в полевых войсках крэнхи.

Он говорил на интерлингве, выказывая тем самым уважение достойному врагу.

– Владимир Карпин, – представился в ответ землянин. – Лейтенант, командир сводной группы.

Он тоже говорил не на своем языке, а на крэ'нхау³, его в военных училищах изучали в обязательном порядке. «Кот» оценил это, так как едва заметно приподнял уголки губ. Карпин с интересом изучал его – до сих пор с живыми крэнхи так близко он не сталкивался, Мертвых, конечно, видел не раз, но это не то. Странное существо. Фигурой походит на человека, только ноги немного короче. Лицо напоминает сплюснутую кошачью морду, покрытую, как и все тело, очень короткой шерстью палевого цвета. Выступающие клыки ясно говорят о том, что эта раса развилась из хищников. Уши полукруглые, плотно прижаты к голове. Подвижные кошачьи усы. На лбу три черных полосы – символ ранга.

– Насколько я понимаю, вы тоже столкнулись с... этими? – вежливо поинтересовался крэнхи.

– Столкнулись, – подтвердил человек. – К сожалению, наши плазмеры против них оказались бессильны.

– Наши тоже, – недовольно дернул усами Тхарау. – Пришлось отступить.

– А вы заметили, что и нас, и вас целенаправленно гнали к комплексу?

– Заметил, естественно. И мне это очень не нравится.

– Только выбора нет, – помрачнел лейтенант. – Откуда они появились, хотел бы я знать...

– Прямо из грунта, – сообщил тирхет. – Отправленный вами отряд едва успел открыть огонь, как земля между нами стала жидкой, и из нее полезли эти непонятные существа. Кстати, хотел высказать свое уважение. Ваши бойцы, конечно, полегли все, но сумели уничтожить более полутора десятков врагов.

– Полегли, значит... – перед глазами Карпина появились лица Добрыненко, Стормина, Джексона и Коэна. – Земля вам пухом, ребята...

– И память светлых богов, – Тхарау сложил руки перед грудью и поднял глаза к небу. – Они были достойными воинами и заслужили право на небесный чертог.

– Благодарю, – наклонил голову лейтенант. – Но вернемся к нашим делам. Я думаю, что четырехрукие – охрана комплекса.

– Очень может быть... – задумчиво сказал тирхет. – Но почему тогда нас гнали именно сюда?

– Возможно, чтобы уничтожить наверняка, – предположил Карпин.

– Не уверен, – снова пошевелил усами Тхарау. – Впрочем, увидим. А пока я хотел бы сообщить, почему пошел на переговоры.

– Думая, это ясно, – позволил себе едва заметную усмешку лейтенант. – В такой ситуации глупо воевать на два фронта. Я и сам думал о том, что нам с вами стоило бы объединиться на время и совместно дать отпор новому врагу.

– Ваше предположение верно, – тирхет посмотрел ему прямо в глаза. – Вы согласны?

– Да. Другого выхода у нас просто нет. Ведите своих бойцов.

– Хорошо.

– Кстати, а вам известно, что подмоги не будет? – поинтересовался Карпин. – Ни вам, ни нам.

– Известно, – во взгляде Тхарау появился гнев. – Сообщили. Но причины я не знаю, а тот, кто знал ее, погиб.

– Зато наш жив, – сжал кулаки лейтенант. – И я эту причину из него вытрясу! Мне почему-то кажется, что она одна и для нас, и для вас.

³ Крэ'нхау – основной язык планеты Крэнх, родины расы крэнхи.

– Похоже, что так... – отчетливо скрипнул зубами тирхет. – Значит, я веду бойцов. Полагаюсь на вашу честь.

– Прошу выждать пять наших минут или... три с половиной ваших лерт, кажется.

Крэнхи ничего не ответил, только поклонился и скрылся в зарослях. А Карпин вернулся к комплексу.

– Мы объединяемся с «котами», – сообщил он.

– Вы с ума сошли, лейтенант! – так и подпрыгнул полковник.

– А вы, доктор Хеменс, лучше рассказывайте все! – с яростью выплюнул Карпин. – Что, черт вас дерит, это значит?! Почему только шестнадцать человек?! Почему подмоги не будет?! Почему крэнхи тоже шестнадцать?!

– Расскажу... – понурился тот. – Но все же вы зря решили объединиться с врагом.

– Не зря. Все равно никто из нас – ни человек, ни «кот» – живым отсюда не выберется. Так что давайте. Тирхету, кстати, это тоже интересно знать – их научный персонал погиб. Знает только, что их оставили на произвол судьбы, как и нас.

– Господин лейтенант, – прервал его Мустафа Джафир. – «Коты» идут. Стрелять или нет?

– Нет! Нам сейчас вместе драться с четырехрукими.

Люди и крэнхи заняли оборону вокруг внутренних граней одной из четырех самых больших пирамид. И те, и другие понимали, то толку от этого мало, но сдаваться не собирались, намереваясь дорого продать свои жизни.

– А вот теперь, доктор, говорите, – Карпин покосился на незаметно подошедшего Тхарау.

– Вы уверены? – устало спросил тот.

– Да!

– Понимаете ли вы, что если мы выживем, то и вас, и меня ждет трибунал?

– Понимаю, – криво усмехнулся лейтенант.

– Меня, кстати, тоже, – оскалившись, вставил тирхет.

– Пусть будет так... – тяжело вздохнул Хеменс. – В общем, этот комплекс открыт довольно давно, около пяти лет назад. И нами, и крэнхи. Данная планетная система, как вы знаете, не раз переходила из рук в руки. Многие, наверное, задавались вопросом по какой причине за ничем не примечательную систему ведутся столь яростные бои...

– Задавались, – согласился лейтенант. – Я тоже этого не понимал. Но почему тогда комплекс не исследовали вдоль и поперек?

– А в него никто не мог проникнуть! Ни с воздуха, ни по суше. Он казался миражом, призраком, хотя сканеры фиксировали наличие материальных объектов. Но при попытке приблизиться к комплексу на расстоянии двух километров искривлялось само пространство-время – такой вывод сделали физики. И хоть летательный аппарат, хоть наземная машина оказывались за пределами запретной зоны, перемещаясь туда практически мгновенно! Было предпринято больше сотни попыток, но все они оказались безуспешны.

– А дальше?

– Дальше?... – сгорбился Хеменс. – А дальше во всех четырех углах запретной зоны за одну ночь возникли плиты из неизвестного нашим ученым материала с надписями на языке древних, который еще лет сто назад был расшифрован в достаточной мере. На этих плитах сообщалось, что проникнуть на территорию комплекса может только отряд из двенадцати воинов и четырех невооруженных «мудрецов». Причем, давалась таблица дат по календарю Лонхайт, когда это возможно. Проходы в защитном поле держались открытыми не более получаса, если перевести на наше время. Теперь вам ясно почему и наш, и крэнхианский челноки так быстро стартовали?

– Ясно... – лейтенанту очень не понравилось услышанное. Получается, их отряд просто отправили на убой? Да, так и получается.

– Но это еще не все, – продолжил археолог. – Вечером того дня, когда обнаружили плиты, планету в очередной раз атаковали крэнхи. Все четыре плиты мы вывезти не успели, одна досталась им. Через несколько дней от их командования поступило предложение о перемирии. Мы в ответ предложили, чтобы каждая сторона отправила на исследование комплекса по отряду указанной древними численности, так как до открытия ближайшего «окна» осталось всего десять дней. Они согласились. Теперь вы знаете все.

– Но почему нам ничего не сказали?.. – с тоской спросил Карпин. – Неужели бы мы хуже дрались, если бы знали правду?

– А это вопрос уже не ко мне, а к командованию, – поднял руки Хеменс. – Мне самому не понравилось использование людей вслепую, но приказ есть приказ. Не мне вам объяснять, что это такое. Сами офицер.

– Вы правы, – вынужден был согласиться лейтенант. – А теперь нам осталось только достойно умереть.

– Вот именно, – мрачно согласился крэнхи. – Мне тоже многое стало ясно. Искренне благодарен вам за это.

– А вот и четырехрукие пожаловали... – подал голос Багрянцев.

Действительно, из джунглей появился ряд закованных в зеркальные доспехи фигур. Они шли рядами, как на параде, держа строй. Первый ряд. Второй. Третий... Десятый. Даже если бы за спиной у землян и крэнхи была расположена база снабжения, с неограниченным боезапасом и безотказным квартирмейстером... Шансов справиться со столькими врагами все равно бы не было. Четырехрукие шли убивать беззащитных.

Беззащитных? Лейтенант протянул руку тирхету, и – руки встретились. Лицо Тхарау повело в гримасе, встопорщившей усы:

– Нас меньше...

Землянин улыбнулся в ответ:

– Но мы – сильнее!

Не было лишних слов. Два плазмера синхронно повернулись стволами в сторону врага и разом плюнули огнем. Следом, подхватывая порыв командиров, ударили уцелевшие бойцы обоих отрядов. Волна пламени прокатилась по наступающим рядам, но огненные шары стекали с доспехов четырехруких, не причиняя им видимого вреда.

Люди и крэнхи продолжали стрелять. Кто-то молился, кто-то пел на родном языке. Они готовились встретить смерть, как подобает воинам.

– Мы вместе! Мы – сильнее!

Голос Тхарау летел над полем боя, и было в этом что-то... невыносимое. Звуки вокруг умирали один за другим, кроме одного, страшного, пронзительно-хрипящего крика.

– Мы – вместе! – услышал себя Карпин, давя пальцем на спуск разрядившегося плазмера, Он, землянин, русский, потомственный офицер в седьмом колене внезапно понял, осознал, ЧТО именно кричит...

И как-то вдруг, сразу, наступила тишина.

И что-то изменилось вокруг. Казалось, сама атмосфера стала иной. Доброжелательной, что ли? Лейтенант не знал, он во все глаза смотрел на опустивших оружие четырехруких. Почему они не стреляют, почему не атакуют? Что произошло? А фигуры в доспехах между тем начали уходить в землю. Не прошло и двух минут, как она поглотила их. Затем в воздухе прозвучал музыкальный аккорд, и ребра пирамид засветились белым огнем.

– Господин лейтенант, смотрите! – заставил Карпина вздрогнуть голос рядового Хармена. – Это же...

Из боковой грани ближайшей пирамиды один за другим выходили одетые в одинаковые светло-серые комбинезоны странного покроя люди и крэнхи. Погибшие. Джексон, Доб-

рыненко, Стормин, Коэн, Парон, Шохинцев... Живые! Они улыбались, светло улыбались. И ничего не говорили.

Небо над комплексом вдруг засветилось, облака заиграли разными цветами, и из ниоткуда грянул пронизывающий до костей голос, который каждый услышал на своем родном языке:

– Сообщество крэнхи... к постижению Пути допускается... Сообщество людей... к постижению Пути допускается...

Мгновение молчания, и с какой-то непривычной, ошеломляющей до глубины души теплотой прозвучало:

– Вступительный экзамен сдан. Добро пожаловать в первый класс!

А затем наступила тишина. Потом что-то звякнуло. Как-то не всерьез, растерянно выругался Багрянцев. Ему ответил Джексон. Боец из крэнхи передернул усами и двумя ладонями потер нос. Держась за левую сторону груди, привалился к камню доктор Хеменс. Тхарау легким движением сбросил с плеча ремень плазмера и, пошатываясь, побрел куда-то, на ходу расстегивая комбинезон.

– Сподобились, блин... – выдохнул Карпин.

И глупо, счастливо, совершенно безответственно улыбнулся.

Глава 2

– Внимание, командующий на борту! – звонкий голос вахтенного офицера заставил встречающих вытянуться во фрунт.

Пронзительно засвистели дудки боцманов, почетный караул вскинул табельные плазмеры в приветственном салюте. Десантники вытянулись по стойке смирно и отдали честь. Створки шлюзового отсека разъехались в стороны, и в ангар ступил сухопарый среднего роста человек лет шестидесяти на вид в безукоризненно сидевшей на нем форме с погонами контр-адмирала Объединенного Флота. В одном глазу поблескивал древнего вида монокль. Он окинул ангар требовательным холодным взглядом и не спеша двинулся вдоль строя. Следом шел с небольшим кейсом в руках личный адъютант, молодой белокурый лейтенант. Худое лицо нового командующего космической станцией «Роберт Хайнлайн» было совершенно невозмутимым, однако все знали, что контр-адмирал Карл фон Бок подмечает все и всегда, любой, даже малейший недостаток – он слыл невообразимым педантом даже среди своих соплеменников, немцев, и больше всего на свете ценил порядок.

Многие удивлялись назначению фон Бока, особенно на эту базу, где порядка не могло быть по определению – ведь на ней базировались истребительные подразделения «безумцев». Кое-кто, правда, подозревал, что творящееся на «Роберте Хайнлайне» окончательно вывело командование из себя, особенно если вспомнить последние, совсем уж дикие инциденты. И оно решило хоть как-то компенсировать этим назначением творящийся здесь бардак, надеясь, что «старый сухарь», как за глаза называли контр-адмирала, сможет хоть как-то обуздать «безумцев».

– Господин контр-адмирал! – сделал шаг вперед подтянутый, даже щеголеватый полковник. – Вспомогательный личный состав базы построен и ждет ваших приказаний! Докладывал заместитель командующего, полковник Хмелин.

– Вспомогательный? – с недоумением посмотрел на него фон Бок через старомодный монокль. – Что это значит?..

– Истребительные подразделения заняты отработкой новых методов ведения боя! Согласно приказу № 345/18 их запрещено отвлекать.

– Ясно, – кивнул контр-адмирал. – Когда они завершат тренировки?

– Не могу знать! – вытянулся полковник. – Время тренировок не нормировано.

– Тогда вызовите ко мне капитана Суровцева, а также лейтенантов Шнитке и Шнеерзона, я уполномочить вручить им награды за бой у Вестальта-IV.

– Будет исполнено.

Контр-адмирал величественно наклонил голову и, заложив руки за спину, неспешно направился к выходу из ангара, держа спину столь прямо, словно, как говорят русские, проглотил аршин. Люк мягко скользнул в сторону, и фон Бок ошарашенно замер, услышав рев нескольких луженых глоток:

– Мы красные кавалеристы!..

Из-за поворота коридора рысью вылетел полуголый длинноволосый субъект на палочке с лошадиной головой и резво проскакал мимо замершего соляным столбом в ошеломлении контр-адмирала. За ним, строго соблюдая строй древней немецкой «свиньи» и тоже верхом на палках следовали четверо очень разномастных личностей, одетых кто во что горазд, но отнюдь не в военную форму. Последний справа заметил фон Бока и браво отдал ему честь вилкой, которую сжимал в руке.

– Что это?! – с трудом выдавил из себя новый командующий, проводив кавалькаду круглыми глазами. Из левого глаза выпал монокль.

– Лейтенант Хряченко проводит психологический тренинг своей эскадрильи! – четко доложил вытянувшийся полковник.

– Психологический тренинг?.. – тупо переспросил фон Бок и потряс головой.

– Так точно, господин контр-адмирал!

– Вы что, издеваетесь?.. – сорвался голос командующего.

– Никак нет! – Хмелин вытянулся с видом придурковатого служаки. – Тренинг проводится согласно расписанию. Каждый тренинг протоколируется, и протокол отправляется в штаб для изучения опыта.

Фон Бок снова потряс головой, а затем вспомнил, какой именно базой командует. Все обмолвки адмирала флота Новицкого, старого друга еще по Академии, во время последнего разговора сразу стали понятны, как и вскользь брошенная им просьба хоть немного призвать разгильдяев к порядку. Ясно теперь, каких разгильдяев. Также он понял причину сочувствующих взглядов прежних сослуживцев после того, как они узнали о новом назначении контр-адмирала.

«Безумцы»! Не было на флоте лучших пилотов-истребителей, одна их эскадрилья могла легко разнести в пух и прах четыре, а то и пять эскадрилий противника, поэтому им прощалось практически все. Но нужны же хоть какие-то рамки! О дисциплине речи уже не шло, хотя бы перестали устраивать клоунады, от которых любому кадровому военному сводило зубы.

Карл фон Бок до сих пор лично с «безумцами» дела не имел, разве что изредка на командных учениях смотрел записи их боев – и каждым восхищался. Эти пилоты летали, как боги, и дрались, как черти. Они вытворяли в космосе на своих вертких машинах такое, что в голове не укладывалось. «Безумцы» каждый раз ухитрялись удивить противника, выдумав что-то новое. Лучшие пилоты «котов» буквально охотились за ними, а остальные, увидев аляповато раскрашенные истребители класса «Берсерк» с их характерными обводами, старались побыстрее унести ноги, что удавалось далеко не всегда.

Взять хотя бы ставший уже знаменитым бой у Вестальта-IV, в котором пять истребителей смогли не только уничтожить больше двадцати вражеских, но и взорвать сперва авианосец, где те базировались, а затем и спешащий ему на помощь крейсер первого класса. Последнее до сих пор считалось физически невозможным для истребителей, но капитан Суворцев с со своей эскадрильей все же сделал это, подобравшись к самим дюзам крейсера и запустив прямо в них несколько ракет. При этом трое из пяти отчаянных парней ухитрились уцелеть, уйдя в пояс астероидов на такой скорости, которой машины этого класса никогда еще не развивали. Как можно было маневрировать между каменными глыбами при подобных перегрузках, никто не понимал. Однако Суворцев со товарищи выжили и вернулись на базу, хотя после этого вынуждены были почти три недели отлеживаться в госпитале.

Тяжело вздохнув, фон Бок двинулся к командному центру базы. Похоже, ему придется значительно труднее, чем он себе представлял. Как призвать к порядку таких вот «красных кавалеристов»? И не повредит ли это делу? Ведь главная задача – уничтожить вражеские корабли, а это «безумцы» умели делать, как никто другой. Но командование устало от их художеств, именно поэтому Новицкий и попросил фон Бока взяться за командование «Робертом Хайнлайном». К сожалению, контр-адмирал не представлял себе уровня сложности этой задачи. До сих пор не представлял – теперь до него начало доходить, какую свинью ему подсунули и почему друзья так сочувствовали, узнав об этом «повышении». Фон Бок тогда только пожимал плечами, удивляясь их реакции, считая себя в состоянии навести порядок на любом военном объекте, благо, опыта хватало. Даже в штрафных батальонах, которыми контр-адмиралу когда-то довелось командовать около года, до сих пор царил железная дисциплина – штрафники боялись своего командира больше, чем врага, и готовы были на все, лишь бы не привлечь к себе его внимания.

Что-то в небольшой кают-компании слева привлекло внимание командующего, и он остановился. Полковник, идущий позади него, застонал, как от зубной боли. Картина, представшая глазам контр-адмирала, была достойна кисти Сальвадора Дали. Встрепанный субъект с двумя огромными красными бантами в черных немых волосах, голый по пояс, рисовал что-то стене широкими мазками. Взгляд фон Бока опустился ниже, на его штаны, и контр-адмирал схватился за сердце – веселенькие розовые штанишки с оборками, длиной по колено, были украшены аляповатыми ромашками. Затем командующий присмотрелся к тому, что рисовал этот безумец, и ему стало еще хуже – сидящая в похабной позе голая женщина со всеми анатомическими подробностями.

– Эт-то к-кт-то?.. – с трудом просипел фон Бок, ощущая, как в нем поднимается раскаленная волна ярости.

– Капитан Суровцев... – с явной неохотой сообщил полковник.

– Тот самый?! – изумился контр-адмирал.

– Так точно, – подтвердил Хмелин, выглядя так, словно съел сразу килограмм лимонов.

– Значит, это называется «отработка новых методов ведения боя»?.. – язвительно поинтересовался фон Бок.

– А что я еще мог сказать?.. – попытался оправдаться полковник. – Что герой Вестальта-IV рисует голую бабу на стене кают-компании?!.

– Именно так! – отрезал контр-адмирал. – Запомните, я не терплю лжи от подчиненных! Хочу знать, как обстоят дела в действительности, иначе невозможно владеть ситуацией. Приказываю всегда докладывать правду, какой бы она ни была.

– Есть, докладывать правду! – вытянулся Хмелин.

– А теперь мне нужно исполнить порученное, – едва слышно сказал фон Бок и вошел в кают-компанию. – Капитан Суровцев!

– Ну?.. – нехотя протянул тот, оборачиваясь. – Ты кто, мужик?

– Ваш новый командующий, контр-адмирал фон Бок, – губы контр-адмирала дернулись, он едва сдержался, чтобы не взорваться, но все же пересилил себя.

– Здорово! – расплылся в идиотской улыбке Суровцев. – Это вы командовали обороной базы «Эльвания» в 2343-м?

– Я, – удивился его осведомленности фон Бок.

– Хочу выразить свое восхищение, – поклонился капитан. – Если бы у вас было хоть еще пять истребителей, то вы бы удержали двенадцатый сектор. Но вы и так сделали невозможное.

– Благодарю, – немного оттаял командующий, довольный признанием его заслуг даже «безумцами», и перешел на официальный тон. – Капитан Суровцев, за бой у Вестальта-IV командование Объединенного Флота награждает вас орденом Доблести первой степени!

С этими словами он достал из своего планшета и открыл коробочку с высшей наградой Объединенного Флота, затем протянул Суровцев. Тот слегка растерянно посмотрел на усыпанный бриллиантами орден, затем вытер испачканную краской руку об собственный голый бок и взял его. Покрутил в руках и, ничтоже сумняшеся, прикрепил орден на свои цветастые штаны, от чего фон Боку в который раз за этот сумасшедший день стало плохо.

– Служу Земле! – по-уставному рявкнул Суровцев.

После чего, явно потеряв к командующему всякий интерес, повернулся к стене, обмакнул кисть в краску и принялся тщательно вырисовывать орден на высокой груди «портрета». Контр-адмирал задохнулся от возмущения, но не найдя что сказать, четко развернулся и двинулся дальше. Он пребывал вне себя от гнева, по его понятиям, армия была сильна исключительно дисциплиной. Но на этих дисциплина не распространялась, более того, было строжайше запрещено применять к «безумцам» дисциплинарные меры, а уговорам, они, похоже, не поддаются.

По дороге к командному центру фон Боку пришлось стать свидетелем еще нескольких диких эпизодов из жизни «безумцев». Один катался колесом по коридору и что-то гнусно орал. Второй бегал на четвереньках и лаял по-собачьи. Еще двое с увлечением играли в классики, нарисовав квадраты на полу коридора несмывающейся люминисцентной краской.

Контр-адмирал старался абстрагироваться от этого кошмара, но получалось плохо, так что войдя в командный пункт он был готов уже ко всему. Однако там его встретил столь милый сердцу кадрового военного идеальный порядок. Все находившиеся в центре вскочили и застыли по стойке смирно. Дежурный по смене строевым шагом подошел к фон Боку и четко отдал рапорт, обрисовав текущую ситуацию в секторе, который контролировала космическая станция «Роберт Хайнлайн».

– Когда крэнхи последний раз атаковали? – поинтересовался контр-адмирал.

– Неделю назад! – доложил полковник Хмелин. – По данным разведки, следующего нападения следует ждать в ближайшее время. Насколько нам известно из расшифрованных переговоров командования противника, они надеются выжать нас из восемнадцатого сектора, особенно из окрестностей планетной системы Ен-24.

– Чем их так заинтересовала эта система? Удалось выяснить?

– Аналитики предполагают, что разведчики крэнхи обнаружили на одной из планет системы артефакты Лонхайт.

– Тогда нечему удивляться, – кивнул фон Бок. – А наши разведчики нашли что-нибудь? Артефакты мы отдавать врагу не имеем права, сами знаете их ценность.

– Поиск ведется двумя звеньями, остальные задействованы в прикрытии, – Хмелин что-то прочел в своем паде. – Нам не хватает ресурсов.

– А когда ждать подкреплений?

– Не могу знать! Запрос командованию отправлен, ответа пока нет.

– Значит, будем обходиться наличными силами, – спокойно сказал контр-адмирал.

Однако на самом деле на душе у него было тревожно. Крэнхи являлись серьезным противником, недооценивать их не стоило, не раз били землян. Эта странная то ли война, то ли не война продолжалась уже около двухсот лет и заканчиваться не собиралась. Глобальных столкновений не происходило, однако мелкие стыки случались постоянно. В общем-то, наличие внешнего врага стало для народов Земли спасением – по крайней мере фон Бок считал именно так. Ведь до встречи с крэнхи, которых в просторечии звали «котами», Российская Империя и Соединенные Штаты в союзе с Объединенной Европой готовы были вцепиться друг другу в глотки и лихорадочно готовились к большой войне. А такая война, скорее всего, стала бы концом для человечества. Наличие в космосе агрессивной чужой расы заставило разные страны объединить усилия, отбросив разногласия и вражду. Иначе было просто не выжить – и все это понимали. Одной стране не потянуть военный флот, только вместе можно это сделать, да и то ресурсов катастрофически не хватает. Некоторые аналитики считали, что у крэнхи была подобная ситуация, и для них столкновение с землянами тоже стало спасением.

В первое время стычки были яростными, флоты врага рвались к Земле, не стоя за ценой, а затем крэнхи вдруг отошли, причем отошли, когда победа, казалось, уже лежала у них в кармане. Состоялись переговоры, причем на высшем уровне. Со стороны «котов» в них участвовали вожди шести старших кланов, а со стороны людей – российский император, американский президент, халифатский султан, европейский премьер и южно-американский диктатор. К каким именно договоренностям они пришли никто и до сих пор не знал – это было строгой засекречено, как и сама встреча. Однако слухи ходили самые разные. Именно после этой встречи война и пошла так, как шла сейчас – ни шатко, ни валко. Фон Бок подозревал, что об этом лидеры противников и договорились, но смысл подобных договоренностей уловить не мог. Возможно, конечно, и те, и другие решили, что внешний враг необходим для выживания обеих цивилизаций, подошедших к грани самоуничтожения. Однако это не объясняло всех

несуразностей происходящего. Особенно, если учесть, что жертв на этой «войне» хватало. Но ни люди, ни крэнхи никогда не бомбардировали населенные планеты, хотя в космосе грызлись отчаянно. Дальние сектора с завидным постоянством переходили из одних рук в другие. Но наиболее ожесточенные сражения велись за планеты, на которых находили артефакты Лонхайд.

Впервые эти артефакты обнаружили немногим больше ста пятидесяти лет назад в системе Бетельгейзе. Изучив находки, земные ученые пришли буквально в неистовство – казалось, эти артефакты специально предназначались для недавно вышедшей в большой космос цивилизации. Расшифровать язык удалось без особого труда, тем более, что ключ к нему нашелся в том же хранилище. И чего в нем только не было! Улучшенные схемы гипердвигателей, которые земные инженеры успешно адаптировали к имеющимся на данный момент производственным мощностям. Артефакты сократили путь развития Земли в несколько раз. Помимо того хватало данных по медицине, органической химии и многому другому. Не имелось только никаких данных о самих Лонхайд, никто даже не догадывался, как они выглядели, чего хотели, где жили, как и почему исчезли. И исчезли ли.

Также не обнаружили даже намеков на оружие – ни одной технологии, которую можно было бы использовать для убийства себе подобных. Поэтому приходилось обходиться изобретенным самостоятельно. До сих пор самыми смертоносными являлись термоядерные боеголовки. Правда, в войне с крэнхи они уже сто девяносто лет как не применялись, использовали более слабое оружие – видимо, опять по договоренности.

– Проводите меня до моей каюты, – приказал фон Бок адъютанту, тот открыл свой пад, подключился к сети станции и скачал нужную информацию.

– Прошу следовать за мной, господин контр-адмирал, – негромко сказал он.

Кабюта оказалась недалеко от командного центра, всего метрах в двухстах. К своему немалому облегчению, по пути командующий не встретил больше ни одного «безумца». Войдя внутрь и кивнув лейтенанту, чтобы следовал за ним, фон Бок окинул взглядом обстановку. Все обычно для космических станций проекта 78-z, никаких излишеств, все сугубо функционально. Вещи еще не доставили, поэтому контр-адмирал опустился в кресло, жестом предложив адъютанту сесть напротив.

– Ну, Вилли, – доброжелательно улыбнулся он, – что ты на все это скажешь? Как тебе первое место службы?

– Мы в цирк попали, дядя Карл?.. – уныло спросил юноша, в которого военную дисциплину вбивали на протяжении всей его жизни, поскольку происходил он из семьи кадровых военных в незнамо каком поколении.

Отец Вильгельма Вольфа был старым другом и однокурсником Карла фон Бока, они вместе учились в военно-космическом училище. Да что там, дружили еще их отцы и деды, внуки всего лишь унаследовали традицию. Контр-адмирал, тогда еще только капитан второго ранга, вместе с другом забирал Вилли с матерью из роддома, поэтому знал его от и до. И считал юношу подающим надежды молодым офицером. Поэтому, когда в списке выпускников училища прошлого года обнаружил имя сына старого друга, то, не сомневаясь ни мгновения, забрал его к себе в адъютанты. Правда тот был этому вовсе не рад и не раз бурчал, оставаясь с контр-адмиралом наедине, что не просил протекции и хочет пройти все ступени служебной лестницы самостоятельно.

– Я сам начинал адъютантом у твоего деда, – отвечал ему на это фон Бок. – Это не помешало мне стать профессионалом, а, совсем наоборот, помогло.

Понимающе посмотрев на Вилли, контр-адмирал горько усмехнулся и приказал:

– Напомни-ка мне, как появились «безумцы». И тогда сам многое поймешь, а не поймешь – разъясню.

– Ну... – на мгновение задумался лейтенант, вспоминая пройденный три года назад курс новейшей военной истории. – Первый раз они были зафиксированы в две тысячи триста пятнадцатом году. До того наши пилоты не могли на равных противостоять пилотам «котов».

– Мальчик мой, не унижай достойного противника, – мягко пожурил его фон Бок.

– Так все так говорят... – растерялся Вилли.

– Ты – не все. Ты заметил, что ни я, ни твой отец ни разу на твоей памяти не назвали крэнхи «котом»?

– Не обращал внимания... Но теперь вспоминаю, что да... Спасибо, что указали мне на это, дядя Карл, больше не повторится.

– Продолжай.

– Так вот, один истребитель крэнхи разменивался на два, а то и три наших. Это физиологическое ограничение, у них быстрее реакция и сильнее костяной и мышечный каркасы. Улучшение наших истребителей давало немного, все упиралось в пилотов, не способных реагировать с нужной скоростью. Попытки доверить управление компьютеру ситуацию не улучшили – компьютер не обладает человеческой интуицией, способен действовать только по схеме. Крэнхи быстро вычисляли эту схему и уничтожали наши космолеты. Как только ни изгалялись земные инженеры и медики, но ничто не помогало – наши потери намного превышали потери противника.

– Пока все верно, – поощрил контр-адмирал. – Дальше.

– Однажды был обнаружен очередной артефакт Лонхайд, в памяти которого нашли схему телепатического управления малыми космолетами. Ее без промедления поставили на несколько экспериментальных машин, однако это ничего не дало – реакция пилотов повысилась незначительно. После этого на проект махнули рукой, а эти космолеты остались в дальнем ангаре станции «Ярослав Мудрый», на которой проводились испытания. Данную станцию содержала Российская Империя, хотя экипаж, как и на всех остальных, был смешанным, но русские все же преобладали. В начале века она контролировала девятнадцатый сектор и постоянно подвергалась нападениям крэнхи, поскольку там нашли немало артефактов. В феврале 2315-го года противник неожиданно атаковал станцию большими силами. Во время сражения практически все штатные пилоты погибли, также не осталось запасных машин. Пытаясь хоть как-то продержаться до подхода помощи из соседнего сектора, командующий станцией вспомнил о находящихся на гауптвахте пятерых пилотах-разгильдяях, которых собирался отдать под трибунал за невеняемое поведение. Скорее от отчаяния, чем по здравому размышлению, он распорядился выпустить их и отправить в бой. Однако машин для этих пятерых не нашлось, кроме тех самых, экспериментальных. И пилоты вылетели на них, подключив себе импланты прямой телепатической связи с машиной. Случившееся затем вызвало шок не только у крэнхи, но и у всех на станции. Пятеро нарушителей дисциплины, отринув все каноны ведения космического боя, буквально вывели истребители крэнхи из пространства, уничтожив более тридцати. Их реакция на порядок, а то и больше превышала человеческую. Когда все закончилось, за вернувшихся пилотов взялись ученые. В конце концов они пришли к парадоксальному выводу – использовать в полной мере машины с телепатическим интерфейсом способны только люди определенного психологического склада, причем каждый из них должен в обязательном порядке являться человеком искусства хотя бы потенциально – поэтом, художником, музыкантом или актером. Имеется в виду – божьей милостью, иметь талант. Вот, в общем-то, и все, что нам рассказывали на лекции...

– Неплохо, но явно недостаточно, – вздохнул фон Бок. – Хотя я и сам не знаю больше. Нужно выяснить, почему они так себя ведут, а главное, почему командование им это позволяет. Я, к сожалению, раньше данным вопросом не интересовался.

– Можно вызвать главного медика станции, – предложил Вилли. – Уж он-то обязан знать.

– По некоторым причинам я не хочу афишировать свой интерес, – неохотно пояснил контр-адмирал. – Поэтому поговорить с медиком, да и с другими людьми, поручаю тебе. Постарайся сделать это аккуратно, мотивируй своей личной заинтересованностью.

Фон Боку не хотелось признаваться, что он просто проигнорировал переданные ему командованием материалы, посчитав себя достаточно компетентным, чтобы разобраться в любой ситуации. Как выяснилось, переоценил себя. И это было очень неприятно.

Внезапно взревевшая сирена боевой тревоги заставила обоих вскочить на ноги и выбежать из каюты. Контр-адмирал со всех ног ринулся к командному пункту, лейтенант не отставал от него.

– Почему тревога? – выдохнул фон Бок, врываясь в командный центр.

– На подступах к базе зафиксирован авианосец крэнхи в сопровождении линкора и двух крейсеров, – доложил вахтенный офицер. – Атака ожидается через сорок минут.

– Беру командование на себя! Приказываю эскадре охранения выдвинуться в сторону противника и связать его боем. Ей придаются восемь эскадрилий штурмовиков. Линкору «Александр Освободитель» оставаться в резерве базы. Истребителям оставаться на базе в боевой готовности.

Вахтенный офицер тут же передал по назначению приказы контр-адмирала. Замершие невдалеке от станции линкор «Президент Рузвельт» и два вспомогательных крейсера в сопровождении четырех эсминцев снялись с места дислокации и двинулись к границам сектора, следуя за идущими впереди эскадрильями штурмовиков, роями вылетевших из стартовой аппарелей «Роберта Ханлайна». Второй приписанный к станции линкор остался на месте.

– Господин контр-адмирал, а почему вы не отправили в бой «безумцев»? – едва слышно поинтересовался адъютант, которому разрешено было задавать любые вопросы, чтобы набраться опыта.

– Противник атакует не слишком большими силами, – объяснил фон Бок, напряженно вглядываясь в тактический голоэкран и отслеживая любое изменение ситуации. – Эскадра вполне в состоянии отбить нападение. Пусть «безумцы» пока побудут в резерве, их слишком мало, не хотелось бы никого из них терять, слишком ценны.

Крэнхи атаковали по классической схеме, словно по учебнику, что сразу насторожило контр-адмирала – непохоже на них, обычно флотоводцы противника находили чем удивить. Почему же теперь они действуют так кондово? Ведь численный перевес на стороне землян! Что-то здесь не то, крэнхи однозначно что-то задумали. Вопрос: что?

Сражение началось тоже по классической схеме – линкоры и крейсера обменялись залпами ракет на дальней дистанции. Ни одна из ракет не достигла цели, все были сбиты лазерной защитой. Имея численный перевес, земляне начали охватывать силы противника по сфере. А крэнхи почему-то не выпускали истребителей. Странно, почему?

Фон Бок смотрел на все это и все больше недоумевал. Происходящее с каждой минутой не нравилось ему все больше и больше. Почему они медлят? Ведь через несколько минут линкор с крейсерами подойдут на дистанцию прямого залпа – и крэнхи мало не покажется. Огневая мощь земных линкоров в полтора раза превышает мощь их линкоров.

Внезапно из аппарелей вражеского авианосца выскользнули мошки истребителей, всего четыре эскадрильи – двадцать восемь машин. В эскадрилье крэнхи, в отличие от людей, было не пять, а семь истребителей. Контр-адмирал недоуменно пожал плечами – поздно же! Они просто не успеют справиться со штурмовиками, и эскадра без проблем отстреляется.

Того, что случилось дальше, никто не ждал – истребители крэнхи неожиданно разошлись в стороны немыслимыми ни для кого, кроме «безумцев», виражами, обошли строй земных штурмовиков и по ломаным траекториям ринулись к линкору.

– Дайте крупным планом изображение истребителя крэнхи! – хрипло каркнул фон Бок, что-то заподозрив.

Посмотрев на экран, он мертвенно побледнел и крикнул:

– Выпускайте «безумцев», срочно!

Взглянув на экран, побледнели и остальные люди в рубке. Неизвестной формы машина, явно новая модификация, была вся расписана какими-то аляповатыми изображениями невиданных зверюшек. Нос выглядел распахнутой пастью с окровавленными клыками. На капоте был нарисован цветок нежно-василькового цвета.

– О, Господи! – выдохнул адъютант. – У них появились свои «безумцы»...

– Похоже на то... – пробормотал контр-адмирал. – Гром и молния! Шайзе!

Из выходной аппарелей «Роберта Хайнлайна» с шутками и прибаутками в эфире выскользнули тридцать истребителей – шесть эскадрилий. И тут же дали форсажный ход, рвась к месту боя. А там происходило избиевание линкора – от штурмовиков «безумные коты» отмахивались, как от мух, уничтожая их походя, чтобы не мешали. А от залпов крейсеров просто уворачивались.

– Когда они будут на месте? – хрипло спросил фон Бок.

– Через шесть-семь минут, – доложил оператор сканирующих систем.

– Хоть бы линкор уцелел...

При мысли о том, что погибнет линкор, да еще и американский, контр-адмиралу стало дурно – вонь поднимется страшная. По комиссиям затаскают, замучают вопросами, почему он отправил в бой американский, а не русский корабль, и не было ли здесь злого умысла. Русские же наоборот посчитают, что потеряли из-за него честь, оставаясь в тылу.

Линкор находился уже на последнем издыхании, когда в бой подобно смерчу ворвались «безумцы», одним махом уничтожив два истребителя крэнхи. Остальные тут же перегруппировались и накинулись на нового врага. Началась какая-то безумная карусель, в которой понять что-либо со стороны было невозможно. И люди, и крэнхи творили невозможное.

Земная и крэнхианская эскадры оттянулись в стороны, наблюдая за сражением со стороны. Только экипажу «Президента Рузвельта» было не до того – линкор пытался дотянуть до станции, рыская со стороны в сторону. Подошедший «Александр Освободитель» тоже не стал ввязываться в бой, предоставив «безумцам» самим разбираться с собратьями по безумию. Да и правильно, в этой свалке ему делать было нечего.

– Штурмовикам сопровождать линкор до станции! – приказал фон Бок, не отрывая глаз от тактического экрана.

– Наш истребитель погиб, – глухо доложил вахтенный офицер.

– Кто?

– Лейтенант Шнитке...

– Светлая память... – скрипнул зубами контр-адмирал. – Вывести общий канал в громкую связь.

Он решил, что раз ничего не в состоянии понять визуально, то хотя бы реплики пилотов слышать – может из них станет хоть что-то ясно. Однако того, что услышал, ожидать фон Бок никак не мог.

– Эй, котяра, ты чего это на носу намалевал? – раздался из динамиков веселый голос капитана Суворцева, говорившего на крэнхау, которые все офицеры Объединенного Флота должны были знать в обязательном порядке. – К мисочке молока спешишь?

– Нет, трахнуть бабу на твоём носу собираюсь, – столь же весело ответил ему какой-то крэнхи на интерлингве, ошибиться было невозможно, только «коты» говорили с таким непередаваемым шипящим акцентом.

– Подставь мне бочок, дорогой мой коток! – влез в разговор лейтенант Шнеерзон, израильтянин. – У тебя там такой цветочек чудненький, так и просится под мою торпеду!

– А поцеловать меня под хвост, обезьяна ты лысая, не хочешь? – ехидно поинтересовался еще один крэнхи. – Я даже духами там помажу, специально для тебя!

– А может скипидарчиком лучше?

– Себе оставь! Для клизмы.

Гробовое молчание царило в командном центре «Роберта Хайнлайна». Фон Бок сильно подозревал, что такое же молчание царит сейчас в центральной рубке крэнхианского флагмана.

– Вот уж родственные души... – осуждающе поджал он губы. – Нашли друг друга.

Безобразие продолжалось еще минут пятнадцать. Как только «безумцы» и «безумные коты» ни издевались друг над другом. Одновременно они вытворяли в пространстве такое, что оставалось только восхищенно качать головами. А затем истребители земель собрались в ромб, то же самое сделали крэнхи. И эти два ромба бешено завертелись друг вокруг друга, уже не стреляя, а, похоже, отдавая таким образом честь достойному противнику. После этого ромбы красиво разошлись и двинулись к своим базам.

– Господин контр-адмирал! – вскинулся офицер связи. – Крэнхи просят не стрелять, они уходят.

– Прекратить огонь! – тут же приказал фон Бок, понимая, что с наличными силами преследовать вражескую эскадру смысла не имеет. – Отбой тревоги!

В том, что крэнхи действительно уходят, контр-адмирал не сомневался – они никогда еще не нарушали своего слова. Дождавшись, пока полуразрушенный линкор доберется до станции, он распорядился тут же начать спасательные и восстановительные работы. Вскоре доложили, что истребители и штурмовики вернулись в ангары, и фон Бок, ощущая крайнюю усталость, решил немного отдохнуть. Новое нападение вряд ли произойдет сегодня.

Однако подремать контр-адмиралу удалось не более двух часов, его разбудил адъютант.

– Ваш приказ выполнен, господин контр-адмирал! – доложил он.

– Какой еще приказ? – спросонья не понял фон Бок.

– Вы же поручили поговорить с главным медиком о «безумцах»... – лицо лейтенанта стало растерянным.

– Ах да! – вспомнил контр-адмирал. – Хорошо, докладывай. Только сделай мне сначала чашечку крепкого кофе.

Много времени Вилли на это не понадобилось, кофе он варить умел с детства, тем более миниатюрная электрожаровня в каюте была. Получив вожделенный напиток, фон Бок с наслаждением понюхал его и, сделав первый маленький глоток, вопросительно посмотрел на лейтенанта.

– Удалось узнать следующее, – начал тот. – С «безумцами» все далеко не так просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что если призвать их к порядку, не позволяя творить безумства, то их полетное мастерство резко снижается – это неоднократно проверено на практике. Поэтому им и позволяют все, тем более, что их безумства в общем-то безобидны – физического вреда ни один из них никому не принес.

– Тогда я не понимаю смысла моего назначения сюда, – нахмурился контр-адмирал, – если это только не обычные бюрократические игры.

– Откуда мне знать, дядя Карл? – развел руками Вилли.

– Это все?

– К сожалению, нет.

– К сожалению? – приподнял брови фон Бок. – А почему к сожалению?

– Земля, используя свои таланты таким образом, лишает себя культуры в будущем... – тяжело вздохнул адъютант, – Поскольку таланты большей частью гибнут, становясь пилотами-истребителями, культуру подминают под себя бездары. От рассказанного медиком у меня волосы дыбом встали. По всей Земле отслеживают талантливых детей с самого раннего возраста, направляя их затем в летные школы, хотят они того или нет.

– Это правда?.. – контр-адмирал даже потряс головой от неожиданности. – Хотя интересы Земли требуют этой жертвы...

– А что дальше, дядя Карл? – глухо спросил Вилли. – Цивилизация без культуры мертва. Не убиваем ли мы сами себя таким образом?

– Не знаю, может и так... – развел руками фон Бок. – Но есть надежда, что эта война в конце концов закончится. Она не вечна. Мне кажется, что у нас с крэнхи значительно больше общего, чем мы думаем.

Он немного помолчал, затем сказал:

– А теперь я, с твоего позволения, вздремну еще полчаса. Устал сильно.

Адъютант вскочил, отдал честь и поспешил покинуть каюту. Контр-адмирал вынул из глаза монокль и снял китель. Однако до дивана он добраться не успел – раздалась трель звонка, сообщающего, что кто-то пришел. Фон Бок ругнулся про себя, накинул китель и, оставив монокль на столе, открыл. Чтобы понять, кто перед ним, пришлось сильно прищуриться – давало знать полученное полгода назад ранение во время сражение в системе Ориона. В дверях возник полковник Хмелин.

– Господин контр-адмирал! – вытянулся он. – Весь личный состав уже собрался в главной кают-компании. Ждем только вас.

«Личный состав собрался? – на ходу застегивая китель, думал фон Бок. – Интересно, зачем? Ладно, разберемся».

Подосадовав про себя на то, что забыл монокль в каюте, контр-адмирал двинулся за полковником. Ладно, впрочем, не в командный центр, обойдется как-нибудь.

Войдя в главную кают-компанию «Роберта Хайнлайна», способную вместить в себя весь экипаж, фон Бок остановился. Что-то было не так, неправильно. Не сразу до него дошел резкий запах алкоголя. Здесь кто-то пил водку! Но этого не может быть! Пить спиртное на космических станциях строжайше запрещено...

Он ринулся к ближайшему столу, прищурился и увидел капитана Суровцева вместе с еще несколькими «безумцами». Хотя они на сей раз были в форме, однако держали в руках пластиковые стаканчики с водкой, запах не оставлял сомнений. Да они что, совсем с ума посходили?! Да, им многое позволено, но это уже слишком! Ярость ослепила контр-адмирала и, подняв подбородок, он наконец-то высказал все, что думает по поводу их поведения.

Фон Бок не заметил как на лице Суровцева появилось все усиливающееся недоумение, сменившееся затем презрением, даже гадливостью. Остальные офицеры, причем далеко не только «безумцы», тоже как-то странно смотрели на него. А затем произошло кое-что, от чего контр-адмирал мгновенно онемел и покрылся испариной. Суровцев молча поставил стаканчик с водкой на стол и повернулся к фон Боку спиной, сцепив на поясице руки. Знак высшего презрения, знак бойкота. К ужасу фон Бока один за другим офицеры следовали примеру капитана. Да что случилось?!

В этот момент напряженный взгляд контр-адмирала упал на стол, и он задохнулся от осознания непоправимости своего поступка. Посреди стола стоял стаканчик, накрытый куском хлеба. Это была не пьянка, это был освященный временем флотский обычай поминовения павших – только в этом случае на космических кораблях и станциях позволялось пить спиртное. О, Господи, его позвали на поминовение, а что сделал он?! Это был конец. Конец всему. Жизни, карьере и, самое страшное, чести. После случившегося ни один уважающий себя военный не подаст фон Боку руки.

– Что же вы натворили, дядя Карл?.. – не сдерживая слез, простонал Вилли, не глядя на него.

А затем тоже повернулся и сцепил руки за спиной. Больше никто в кают-компании не стоял к контр-адмиралу, точнее, уже бывшему контр-адмиралу лицом. Ему объявили бойкот, самое страшное, что может произойти на флоте с офицером. Если у попавшего под бойкот не хватало смелости застрелиться, его без выходного пособия вышвыривали в отставку без промедления, а его детей не принимали в военные училища. Этот неписанный закон скрипя

зубами были вынуждены исполнять даже американцы, русские сумели настоять на своем. И нарушать его не смел никто.

Развернувшись на непослушных, негнущихся ногах, фон Бок, словно робот, вышел из кают-компании и двинулся к себе. Он потерял честь, потерял навсегда. И способ вернуть ее был только один. Контр-адмирал знал этот способ. Другого просто нет.

– Господа, помянем павших! – снова повернулся к столу капитан Суровцев, поняв, что бывший командующий, отныне для них безымянный, ушел.

– Вот же сноб поганый! – скривился лейтенант Шнеерзон, потеряв свой горбатый нос. – Даже монокля своего не напялил. Приперся, наорал, придурок долбаный...

– Монокль?! – лицо адъютанта побелело и покрылось крупными каплями пота. – Он был без монокля?!!

– Да, – кивнул полковник Хмелин. – А что это меняет?

– Все!!! Он же без монокля после ранения почти ничего не видит!!! Он должен был на операцию лечь, а вместо того принял это назначение...

– Мать твою! – побледнел Суровцев. – Так он же просто не увидел...

И кивнул на стаканчик, прикрытый куском хлеба.

– За ним, быстро!!! – заорал полковник, срываясь с места.

Суровцев перепрыгнул через стол и ринулся за ним. Следом бросились остальные. Ведь все уже поняли, куда и зачем пошел контр-адмирал. Произошла чудовищная ошибка. В этот момент никто даже не думал о том пятне, которое ляжет на них.

Они почти успели. Уже схватившись за ручку люка адмиральской каюты, капитан Суровцев услышал сухой треск выстрела из древнего, еще двадцатого века люгера.

Контр-адмирал Карл фон Бок восстановил свою честь.

Глава 3

Полуденная жара накрыла город тяжелой периной, температура зашкаливала далеко за сорок градусов. Люди прятались в тени, редко кто рисковал выйти на солнце, разве что по крайней необходимости. Даже старожилы не помнили такого жуткого лета в Екатеринбурге. Городские власти начали вентилировать вопрос о подключении столицы Урала к климат-контролю, но это был вопрос непростой. Жители предпочитали отсиживаться в кондиционированных помещениях, выбираясь наружу вечерами, когда жара немного спадала.

По тенистой стороне улицы Малышева не спеша двигался комендантский патруль – два молоденьких флотских лейтенанта в темно-синих мундирах и красных повязках на правых руках.

– Ну и зачем мы тут ходим? – уныло спросил шатен пониже, вытирая пот со лба.

– Мало ли, вдруг какого дурня вынесет в самоволку, вокруг хватает военных училищ и академий, – философски заметил второй, высокий и черноволосый.

– Ну и пекло же!

– Ага. Давай, что ли, зайдем вон в ту кафешку, кваску холодненького хлебом.

– Давай.

Однако патрульные не успели сделать этого, заметив идущего навстречу парня в серой форме с курсантскими погонами на плечах. Невысокий, с соломенного цвета волосами, крепко сбитый, лет двадцати с небольшим. Лицо простоватое, но взгляд умных голубых глаз цепкий и настороженный.

– А вот и наш клиент, – уныло заметил шатен.

Офицеры переглянулись и направились к курсанту.

– Ваши документы!

– Прошу, товарищ лейтенант, – с этими словами тот протянул карточку удостоверения с информационным кристаллом, такими пользовалось вместо любых других документов все население Российской Империи.

Брюнет взял карточку и провел ею над наручным сканером. Прочитал высветившееся на личном голографическом терминале, вживленном прямо в левый глаз, и лицо молодого офицера вытянулось. Он неуверенным движением вернул удостоверение, козырнул и извинился за беспокойство. Курсант тоже козырнул и не спеша двинулся дальше.

– Коля, ты чего? – растерянно спросил товарища шатен. – Никогда тебя таким удивленным не видел...

– Мы с тобой, Ефим, похоже, удостоились чести видеть курсанта ВПА⁴, – ответил тот, провожая задумчивым взглядом удаляющегося парня.

– Издеваешься? – обиделся Ефим. – Она разве существует?..

– Существует, – заверил Николай. – В удостоверении, конечно, написано совсем другое, но отец научил меня читать между строк.

– И чего же ты там такого вычитал? – со скепсисом поинтересовался шатен.

– Сам смотри, – криво усмехнулся брюнет. – Альфа-доступ ко всем архивам армии и флота, свободное передвижение по любым засекреченным зонам, запрет задержания без ордера, подписанного директором КВИБ-1 или... – он выдержал небольшую паузу, – лично императором...

– Ни х... себе! – выдохнул Ефим. – Не шутишь?!

– Говорю то, что показал сканер, – развел руками Николай. – Вот так-то, друже. Отсюда вывод может быть только один – ВПА. Какому еще курсанту могут дать такие полномочия?

⁴ ВПА – военно-политическая Академия.

– Никакому...

Они переглянулись, вспомнив дикие рассказы о Военно-Политической Академии, ходившие в флотской среде. В это учебное заведение, если оно действительно существовало, нельзя было поступить. Никто не имел понятия, где оно находится. Оказаться курсантом ВПА можно было лишь одним способом – оказаться отобранным по каким-то загадочным критериям специальной комиссией и получить приглашение. Самые талантливые молодые люди обоих полов со всей страны действительно иногда получали некие странные письма, после чего бесследно исчезали. Даже их родители не знали точно, где учатся их чада – некое особо секретное учебное заведение, находящееся под личным патронажем императора. Карьера его выпускников складывалась по-разному, но они всегда занимали высокое положение.

Разведки всех известных государств страстно жаждали разгадать секрет ВПА, но никому этого сделать еще не удалось. Если даже выпускников похищали, то они умирали, как только на них пытались воздействовать химией или пытками. Гипноз их не брал.

Большинство населения Империи считало ВПА выдумкой, и пресса это мнение поддерживала, публикуя множество развенчивающих глупые слухи статей. Но офицеры и высокопоставленные чиновники им не верили, хотя точно никто ничего не знал. Зато знали, что некое особое учебное заведение действительно существует и готовит специалистов в сфере управления крупными войсковыми соединениями и политического манипулирования. Вот только никакие интриги и взятки не могли помочь пристроить детей высокопоставленных господ туда, и никто давно уже не пытался, зная, что это совершенно бесполезно. Хотя бы потому, что ни один озабоченный преуспеванием своего чада папаша не имел понятия, с кем вообще нужно договариваться.

– Может, и не в ВПА, но парень однозначно учится в крутом заведении, – вздохнул Ефим. – Ладно, Бог с ним, нам там не учиться. Пошли соку или квасу попьем, а то совсем невмоготу.

– Пошли.

И патрульные свернули в небольшое кафе, откуда тянуло приятной прохладой – там работал кондиционер.

Остановившийся у перекрестка Михаил удовлетворенно кивнул, увидев это. Похоже, кто-то из этих лейтенантов что-то заподозрил. Не страшно, в их подразделении предателей быть не может, слишком тщательные там проверки. Однако хочешь не хочешь, а доложить об инциденте придется.

Вздохнув, курсант свернул на улицу Сакко и Ванцетти, зашел во двор, заметил на стене одного из домов ничего не говорящее чужому взгляду граффити и огляделся. Рядом никого не оказалось, и Михаил приложил к определенной точке рисунка ничем не примечательное кольцо, надетое на средний палец правой руки, после чего мысленно активировал перемещение. В глазах на мгновение потемнело, и курсант оказался в небольшом зеленом дворике, уставленном столиками, за которыми сидело трое молодых людей, одетых в такую же, как на нем самом, серую форму.

Поборов тошноту, как всегда бывало после перемещения, Михаил вздохнул – зря, похоже, сегодня выбирался в город, ничего интересного для курсовой не нашел. Сидящие за столами курсанты младших курсов не заинтересовали его, как и он их – здесь давно привыкли к виду возникающих из ниоткуда людей. Их алма-матер была одним из немногих заведений, хранящих величайшую тайну Российской Империи – телепортацию. К сожалению, изобрели ее не самостоятельно, а опять же при помощи артефактов Лонхайт, обнаруженных во время дальней экспедиции к центру галактики.

Открыв старую скрипучую дверь, Михаил фыркнул про себя – никогда не понимал для чего нужна столь глупая маскировка. Сюда же никто посторонний попасть не может! Но руководство Академии продолжало поддерживать привычный имидж – деревянные двери, рассох-

шие скрипучие полы, усатый старик-вахтер в железной будке. А рядом – самое современное оборудование, недоступное больше никому в Империи.

– Мишка, привет, зараза! – ринулся к вошедшему чернявый смуглый парень в такой же форме. – Ты где шлялся?!

– Привет, Айзат, – отозвался он. – Тему для курсовой искал. А что?

– Да тебя Зубр вызывал! Всех на ноги поднял – найти и доставить ему Шмелева. Срочно! Так что ноги в руки и к нему в кабинет! Ждет.

– Твою мать! – выругался Михаил.

Вот только вызвать гнев ректора Академии и не хватало для полного счастья. Старый зубр, как прозвали курсанты Николая Петровича Томилина, по совместительству директора Комитета Внутренней Имперской Безопасности, он же КВИБ-1, был очень строг и не прощал своим подопечным ни малейшей ошибки. Да и характером обладал вредным, вьедливым, никогда не упускал ни единой мелочи. Курсанты, которыми он был недоволен, очень быстро переставали являться таковыми – отчисляли из ВПА безжалостно. Причем, отчисленным стирали память.

Пока Михаил, сломя голову, неся по коридорам к кабинету ректора, почему-то вспомнилось, как он получил письмо из Академии. Тогда юноша, только закончивший школу, как и многие другие, считал ВПА выдумкой. Но после сдачи экзаменов выпускника вдруг вызвали в кабинет директора, где его ждал курьер в форме мышастого цвета. Он вручил Михаилу украшенное сургучной печатью письмо древнего вида. С надписью: «Совершенно секретно. Допуск А-02. После прочтения уничтожить».

Прочтя письмо, он некоторое время пребывал в недоумении – уж не чья-то ли это дурная шутка? Однако курьер заверил его, что нет, никаких шуток. И Мишка, тогда еще Мишка, задумался – такой шанс упускать было бы глупо. Он согласился. С тех пор не раз проклинал все на свете – учили в ВПА очень жестко, даже жестоко, примерно половина курсантов гибла в процессе обучения. Зато выжившие становились специалистами очень широкого профиля, могли занять любой пост в Империи в кризисный момент и справиться. Хоть в армии, хоть на гражданке.

Сам Михаил больше всего тяготел к тактике малых разведывательных операций и очень надеялся, что по окончании попадет в КВИБ-2 – комитет внешней имперской безопасности. К сожалению, он мог только написать рапорт о своем желании, а дальше начальство будет само решать, куда направить выпускника.

В приемной он козырнул секретарю Томилина, отставному флотскому кавторангу, списанному по ранению. Тот проверил карточку курсанта и, ничего не говоря, махнул в сторону обшитых кожей двухстворчатых дверей. Михаил незаметно выдохнул и вошел.

* * *

В ожидании вызванного курсанта Виктор Петрович прокручивал в голове состоявшийся пару часов назад разговор со своим бывшим однокурсником, адмиралом Романцевым. И тихо матерился про себя – как же достали эти желающие вернуть все на старые рельсы. Ну почему они не понимают, чем это чревато? Но не понимают, просто не желают понимать.

– Толя, твой Николай совсем зарвался, неужели ты не понимаешь? – тихо спросил директор КВИБ-1, устав доказывать аксиомы.

– Это ты не понимаешь, – не менее устало отозвался адмирал. – Он – мой сын! И этим все сказано.

– И что с того? У нас всех есть дети, но мы почему-то не создаем тайных обществ, идущих вразрез с законами страны.

– Значит, вы недостаточно любите своих детей! Почему мой сын не имеет права получить все, чего я достиг? Почему?!

– Да потому, что убогие дети великих отцов чаще всего губят все достижения этих самых отцов, – раздраженно потер виски Томилин. – Он получит твои деньги, чего еще? Дорожку бархатом выстелить?..

– А хоть и бархатом! – подался вперед Романцев, его глаза горели нездоровым лихорадочным огнем. – Почему он не станет дворянином?! Он по рождению дворянин! Почему он не наследует мой титул?!

– Ты сам прекрасно знаешь, – директор КВИБ-1 едва сдержался, чтобы не грохнуть кулаком по столу. – По законам Империи наследственного дворянства не существует! Его каждый должен заслужить сам. И дворянин – это не привилегия, тебе ли не знать. Это обязанность служить Родине! А твой Николай ничему и никому, кроме себя, служить не желает. Да еще и собрал вокруг себя стаю таких же мажоров и творит вместе с ними непотребства.

– Ой, да какие непотребства?.. – скривился адмирал. – Небольшие развлечения милых мальчиков.

– Милых мальчиков?! – чуть не подавился Томилин. – Развлечения?! Значит, групповые избиения, изнасилования и гомосексуальные оргии ты называешь небольшими развлечениями?!.

– О чем ты говоришь?.. – растерялся Романцев.

– Вот об этом! – директор КВИБ-1 судорожным движением открыл верхний ящик стола, достал оттуда папку с бумагами и буквально швырнул ее в лицо собеседнику. – Не хотел я давать тебе это, но ты меня меня вынудил. Читай! Это ты называешь небольшими развлечениями?!!

Адмирал с недоумением посмотрел на старого друга, затем все-таки открыл папку и погрузился в чтение. С каждым новым просмотренным документом он все больше бледнел.

– Нет, это неправда... – прохрипел он, наконец. – Мой Коленька не мог, он хороший мальчик...

– Хороший мальчик?! – вздернул брови Томилин. – Да если бы не твои заслуги, этот «хороший мальчик» у меня бы давно урановые рудники на Титане осваивал! Документы заверены и проверены. И ты хочешь, чтобы такие, как он, становились аристократами Империи, занимали в ней важные посты и так далее? И во что они превратят страну лет за двадцать? Не скажешь? Это ты и остальные из вашего кружка не сумели воспитать своих детей, как должно! Так не смейте пенять на законы Империи!

С каждым его словом голова красного, как вареный рак, Романцева опускалась все ниже. Прославленный боевой адмирал, заместитель командующего Объединенным Флотом Земли был, как ни странно, подкаблучником и в обычной жизни находился под влиянием жены, той еще стервы, уверенной, что она все знает лучше кого бы ни было.

– Значит, так, – продолжил директор КВИБ-1. – Твоему Николаю выносятся последнее предупреждение. Или он затихнет, или вот это, – он ткнул пальцем в папку, – уйдет в прокуратуру. Да, и дай Марине почитать о делах вашего с ней сыночка, пусть развлечется. Ваш кружок единомышленников распускается – его величество поручил мне высказать тебе свое крайнее неудовольствие.

– Я понял... – хмуро ответил адмирал. – Кольку я выдеру...

– Думаешь, поможет? – скептически поинтересовался Томилин. – Это надо было делать, пока он поперек лавки лежал, а сейчас – поздно. Главное, доведи до сведения сына, что заслуги отца – не его заслуги. И безнаказанным он не останется. А то он так скоро до пожизненного срока допрыгается.

Директор ненадолго замолчал, потом добавил:

– И еще одно. В окружении Николая замечены американские и европейские агенты влияния. Ты понимаешь, что это значит?..

– Только не это... – побелел Романцев.

– Именно, им начал заниматься уже не я, а КВИБ-2! Поэтому даю тебе последний шанс призвать сына к порядку. Ты все понял, Толя?

– Да...

– Вот и хорошо, иди. Папку захвати с собой. После того, как жена прочтет, уничтожь – это копии.

Проводив взглядом понурившегося старого друга, Томилин тяжело вздохнул. Ну почему многим родителям так хочется, чтобы их чада получали все без усилий? Неужели не понимают, кем вырастут избалованные дети? И что они сделают со страной, выстроенной с таким трудом?

Причем, тайные общества и заговоры обычно создают именно те, чьи наследники выросли ничтожествами. Те же, кто сумел воспитать настоящих людей, такими глупостями не занимаются – они просто учат детей всегда быть лучшими. Не жить лучше, а быть лучше! И те сами всего добиваются.

Да, грустно, что на детях гениев природа отдыхает, но тут уж ничего не поделаешь. Главное не допустить, чтобы чванливые ничтожества смогли занять ответственные посты – они разрушат все, до чего смогут дотянуться, тому было в истории немало примеров.

Жалко Анатолия, гениальный флотоводец, но может эта встряска поможет ему заставить сыночка хотя бы понять, что ему далеко не все позволено. Если не поймет, придется устраивать несчастный случай – допускать суд над сыном трижды героя России нельзя, слишком большой общественный резонанс это вызовет. После такого Романцева, конечно, придется отправлять в отставку. А жаль, лучшего боевого адмирала поди найти...

* * *

Сигнал коммуникатора, сообщающий о прибытии вызванного курсанта, заставил Виктора Петровича отвлечься от своих мыслей. В приоткрывшуюся дверь проскользнул затянутый в серую форму подтянутый молодой парень среднего роста. Голубые глаза прибывшего посверкивали с трудом сдерживаемым любопытством. Взъерошенные соломенные волосы явно требовали вмешательства парикмахера.

– Вызывали, Виктор Петрович?

– Вызывал, Шмелев, – отозвался директор. – Садись.

Михаил осторожно присел на краешек стула, пытаясь понять, зачем он понадобился начальству. Задолженностей за ним, как будто, не числится.

– Вижу, от любопытства с ума сходишь? – прищурился Томилин. – Ладно, не буду томить. Решено поручить тебе вместо практики в Думе задание в дальнем космосе.

– Мне?! – расширились глаза курсанта. – Ура! То есть, спасибо...

– Не благодари, – укоризненно проворчал директор. – Это не приключения, а тяжелая поисковая работа. Да и дело очень непростое. Подпиши-ка.

Он пододвинул к Михаилу какой-то бланк. Тот прочитал и в изумлении приподнял брови. Подписка о неразглашении. Но какая! Он такой формы и не видел никогда. Запрещено обсуждать что-либо связанное с заданием даже с самим Виктором Петровичем. Доклад только лично императору! Знать о сути задания имеют право лишь те, кого его величество внесет в особый список! Курсант некоторое время с сомнением смотрел на бланк, а затем все же подписал.

– Вот и хорошо, – кивнул Томилин. – А теперь слушай сюда. Несколько лет назад на планете H237 был обнаружен комплекс строений Лонхайд...

И он повторил рассказанное императору о случившемся с группой лейтенанта Карпина. Курсант внимательно выслушал, не решаясь прервать начальство, хотя по лицу было видно, что в его голове теснятся тысячи вопросов.

– И что, больше ничего не известно? – не выдержал, наконец, Михаил.

– Ничего, – развел руками Виктор Петрович. – Связь с группой прервалась сразу же после высадки. А затем поразивший и нас, и крэнхи старт комплекса и его исчезновение. Ученые сходят с ума в попытках понять принцип его перемещения.

– Корабль Лонхайд... – мечтательно протянул курсант. – Это же...

– Вот именно, это же, – кивнул директор. – Кто первый его обнаружит, тот получит немало преимуществ. Учти, поисковая операция не Объединенного Флота, а наша, имперская.

– Да, не хотелось бы отдавать корабль в руки американцев.

– Поэтому ты получишь не просто малый фрегат, а созданный на основе обломков другого корабля Лонхайд. Там есть кое-какая аппаратура, которой нет больше ни у кого.

Михаил думал, что его уже ничем не удивить, но Томилин сумел сделать это. Значит, поисковые партии обнаружили еще один звездолет древней расы? Причем, потерпевший крушение? Интересно. Даже более, чем интересно! И созданным по чужим технологиям фрегатом предстоит командовать ему? На такое везение курсант даже не рассчитывал. Ведь по учебному плану на девятом курсе следовало проходить скучнейшую практику помощником депутата Государственной Думы.

– Этот фрегат способен погружаться на шестой уровень гиперпространства, – продолжил объяснения Виктор Петрович.

– На какой?! – не поверил Михаил. – Вы не шутите?..

– Нет, – усмехнулся директор.

Его ничуть не удивила реакция курсанта. До последнего времени земные гиперфизики были полностью уверены, что погрузиться глубже четвертого уровня физически невозможно. Поэтому для них стало шоком, когда чудом вышло запустить двигатель Лонхайд с найденного корабля и убедиться, что это не так. Полученные данные русские скрыли от остальных землян, и теперь лучшие ученые Империи лихорадочно разрабатывали новую теорию гиперпространства, в то время как их иностранные коллеги и не подозревали о такой необходимости.

– Мало того, у инженеров возникло подозрение, что двигатель, а на фрегат установлен именно двигатель Лонхайд, не копия, не только гиперпространственный, но и еще какой-то, в нем имеется немало блоков, назначение которых объяснить не смогли. Да и заставить его функционировать в полной мере не сумели, – продолжил удивлять Михаила Виктор Петрович. – Только систему управления гипердвигателем выстроить вышло. Управление двойное – либо ручное, либо мысленное, поэтому отсюда отправишься в биологическую лабораторию на вживление мозговых имплантов для полного слияния.

– Экипаж подобран? – глаза Михаила горели предвкушением.

– Практически, – безразлично отозвался директор. – Возьмешь с собой двух своих друзей. Все остальные – штрафники. Импы.

– Импы?! – вытаращил глаза курсант. – Но...

Однако тут же задумался. Не простые ведь штрафники, а те, кто сам посчитал себя в чем-то серьезно провинившимся и подал рапорт о переводе в ДИШП⁵. В основном там служили бывшие офицеры. Таких в просторечье почему-то называли импами – причин давно никто не помнил. Они бросались в самое пекло и, бывало, зубами выгрызали победу, не жалея себя.

– Импы... – повторил Михаил, сразу заподозрив, кем ему придется командовать. – И «безумцы», небось, есть?..

– Эскадрилья, – подтвердил Томилин.

⁵ ДИШП – добровольные имперские штрафные подразделения.

- Капитан Суровцев со товарищи... – тяжело вздохнул курсант. – Так?
- Они самые, – кивнул директор, сверля его взглядом.

Некрасивая история на станции «Роберт Хайнлайн», во время которой из-за глупой ошибки других офицеров вынужден был застрелиться контр-адмирал Карл фон Бок, долгое время была у всех на слуху. Виновные из русских дружно подали в отставку и ушли в импы. Остальных, впрочем, тоже отозвали их правительства, даже американцев.

– Плюс бывший полковник Хмелин, подполковник Круглов, майор Штейнберг и капитан Тупило, все четверо хорошо известные личности, – добавил Томилин. – Круглов и Штейнберг, помимо основных специализаций, – отличные операторы сканирующих систем, твоему Когану до них пока далеко. Пусть поучится у профессионалов. С остальными членами экипажа познакомишься в рабочем порядке.

Немного помолчав, он добавил:

– Передаю все данные и допуски на твой коммуникатор. Только не забывай, что практику в КВИБ-1 и экзамен по истории никто не отменял. Старт через две недели, после того, как все сдадите. Материальную комплектацию экспедиции поручишь Даниилу, он справится. Все, свободен.

Михаил вскочил и поспешил покинуть кабинет, пока директор не придумал еще что-то, способное задержать старт. Томилин проводил его понимающим взглядом, едва заметно улыбаясь. Вспоминалась собственная молодость – ему бы кто на предпоследнем курсе предложил такое приключение. Руками и ногами бы ухватился.

За дверью директорской приемной Михаила уже поджидали друзья – Айзат Алиев и Даниил Коган, татарин и еврей.

– Ну, чего от тебя Зубр хотел-то? – подался вперед первый.

– О-о-о... – мечтательно прищурился Михаил. – Практику в Думе нам отменили. Другую дали...

– Нам? – подозрительно уставился на него Айзат. – Интересненько...

– Какую другую?! – загорелись глаза Даниила.

– Ну-у-у... – протянул лидер их тройки, хитро ухмыляясь. – А сами как думаете?

– Я давно перестал пытаться угадывать, что еще придет в извращенные умы наших кураторов, – отмахнулся татарин. – Колись, давай.

– Ладно, так и быть, – бросил на друзей предвкушающий взгляд Михаил. – Нам поручена миссия в дальнем космосе! Выделен экспериментальный особо скоростной фрегат!

– Бреешь! – разом выдохнули оба.

– Ловите предписания, черти.

Он протянул вперед руку с браслетом и сбросил друзьям зашифрованные допуски и предписания. Они быстро просмотрели полученное на личных голотерминалах⁶ и восторженно выматерились – не сдержали напора чувств. Ведь случилось чудо, никак иначе все это назвать было нельзя. Вместо скучнейшего торчания в Думе и копания в политической грязи – поиск в дальнем космосе!

Михаил и сам пребывал в эйфории, однако в то же время пытался понять, почему столь важное дело, как поиск корабля Лонхайт, поручили курсантам. Да, почти выпускникам лучшего учебного заведения Империи, но все равно курсантам. Что-то тут не складывалось, он подсознательно ощущал подвох, неправильность. А значит, надо будет тщательно проанализировать каждую мелочь, чтобы не влететь по полной.

Юноша давно отметил особое внимание к себе со стороны преподавателей и кураторов, его гоняли в несколько раз интенсивнее, чем остальных курсантов, заставляли изучать порой

⁶ **Голотерминал** (в просторечии глаша или глашка) – голографический терминал. Здесь обозначает терминал, вживленный прямо в роговницу правого или левого глаза.

совершенно идиотские предметы, наподобие этикета на дворцовом приеме в честь прибытия иностранного монарха или тонкого манипулирования группами в крупном коллективе. Особенно тошнило от последнего – откровенные пошлость, подлость и жестокость. Использование для своей выгоды всего – от самых лучших до самых худших человеческих качеств. Михаила однозначно к чему-то готовили, но к чему? Понять этого молодой человек так и не смог. Ясно, что к какой-то особой службе, но кроме этого ничего выяснить он не сумел. А задавать прямые вопросы было глупо, никто не ответит, только посмотрят, как на идиота.

– Айда в кафешку, – предложил Даниил. – Надо же отпраздновать такое дело!

– Ладно, пошли, – согласился Михаил. – А в какую?

– В Питере сегодня бардовский концерт в арт-кафе «Чужое небо» на Лиговке.

– Тогда надо в гражданку переодеться, нельзя там формой светить.

И троица друзей двинулась по коридорам к выходу, обсуждая все на свете, но только не свое задание – молчать о важном их научили еще на первом курсе. Кое-что сказать возле кабинета директора ребята позволили себе только потому, что никого рядом не было, да и каждые пять метров коридоров Академии отделялись глушащими полями. А к тому, что любую информацию кураторы в любой момент способны считать с их глазек или коммуникаторов, курсанты давно привыкли.

Навстречу друзьям попался высокий шатен с холодными синими глазами. Он вежливо кивнул и двинулся дальше. Михаил ответил и проводил однокурсника взглядом. Этот парень, Александр Коломцев, никогда ему не нравился, было в нем что-то скользкое, что-то вызывающее настороженность и даже неприятие. Возможно, он неправ, но довериться Коломцеву стало бы ошибкой, тот вполне способен идти к своей цели по головам. Поэтому Михаил старался держаться от него подальше. Соблюдал вежливость – и не более того. Интересно, куда это Коломцев пошел? Похоже, тоже к Зубру.

Выбросив из головы неприятного ему человека, Михаил с друзьями направился в общежитие – переодеться. А переодевшись, они отправились на телепортационную площадку, откуда перенеслись в Санкт-Петербург. Никто из курсантов не знал, где на самом деле находилась Академия, ведь попасть в нее можно было только при помощи телепортации. Зато из нее можно было переместиться в любой город России, даже в Луноград, Марсополь и Титанис, столицы русских секторов на Луне, Марсе и Титане. По слухам, тайная система телепортов связывала вообще все поселения Империи. Естественно, в пределах одной планетной системы – межзвездная телепортация так и осталась загадкой для физиков. Но они надеялись со временем преодолеть и этот барьер.

– Вперед! – радостно провозгласил Даниил, взлохматив свою кучерявую шевелюру. – Сегодня я точно с классной девчонкой познакомлюсь!

– Иди уже, Казанова, – подтолкнул его в плечо Михаил.

И друзья, весело переговариваясь, двинулись по Лиговскому проспекту в направлении к выбранному кафе.

* * *

Сергей Елизарович с трудом сдерживал дрожь, следуя за конвоиром к кабинету следователя. Вызов в КВИБ-1, в общем-то, не стал для него неожиданностью, уже который год их группа диссидентов ходила по грани. Интересно, можно назвать это арестом? Вряд ли. Вежливое приглашение на собеседование со следователем губернского управления КВИБ-1, принесенное прямо на кафедру курьером в незнакомой мышастого цвета форме. Когда профессор распечатал конверт, ему показалось, что небо обрушилось ему на голову. Коллеги отпоили беднягу валерьянкой и принялись утешать, хотя поглядывали на него с опаской – от внимания квивовцев никто в среде интеллигенции ничего хорошего не ждал.

Как оказалось, преподавателя социологии дожидался на стоянке флаер без иллюминаторов, так что он понятия не имел, куда его привезли. Вышел наружу Сергей Елизарович в небольшом, ничем не примечательном дворике казенного вида. Затем оказался в здании, коридоры которого могли принадлежать любому учреждению в Империи. В конце концов профессора привели в кабинет со стенами, покрытыми деревянными панелями. Кроме стола, двух стульев и стеллажа с бумагами и инфокристаллами⁷ в нем ничего не было.

Внезапно одна стена отъехала в сторону, и в кабинете, словно призрак, возник светловолосый, совсем еще молодой человек нарочито простецкого вида. Вот только умные и жесткие льдисто-голубые глаза сразу выдавали, что он неглуп. На квивовце была темно-серая форма с двумя перечеркнутыми кривой линией шпалами на погонах – профессор понятия не имел, какое звание они обозначают, никогда таких не видел.

⁷ Инфокристаллы – информационные кристаллы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.